

18+

Жюль Мари

Ошибка доктора Маделора

Серия «Мир
детектива: Франция»

Жюль Мари

**Ошибка доктора Маделора.
Серия «Мир детектива: Франция»**

«Издательские решения»

Мари Ж.

Ошибка доктора Маделора. Серия «Мир детектива: Франция» /
Ж. Мари — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-565359-8

Доктор Маделор — врач, ученый и судебный эксперт, непреднамеренно совершает ошибку в анализе. Его результаты становятся ключевой уликой против Анны Комбрель, обвиняемой в убийстве мужа. В последний момент доктор понимает, что ошибся, и пытается остановить казнь, только уже слишком поздно. За свою ошибку Маделору приходится расплачиваться всю свою жизнь, и не только ему одному. В увлекательном романе Жюль Мари рассказывает о последствиях судебной ошибки и ответственности детей за грехи отцов.

ISBN 978-5-00-565359-8

© Мари Ж.
© Издательские решения

Содержание

Серия «Мир детектива: Франция»	6
Ошибка доктора Маделора	7
Часть первая. Закулисная жизнь одной «знаменитости»	7
Глава I	7
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	16
Глава VI	17
Глава VII	19
Глава VIII	22
Глава IX	24
Глава X	25
Глава XI	26
Глава XII	28
Глава XIII	30
Глава XIV	32
Глава XV	35
Глава XVI	39
Глава XVII	41
Глава XVIII	43
Глава XIX	44
Глава XX	46
Глава XXI	48
Глава XXII	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ошибка доктора Маделора
Серия «Мир детектива: Франция»
Жюль Мари

Петр Налимов *Переводчик*

А. Владимирович *Редактор*

© Жюль Мари, 2022

© Петр Налимов, перевод, 2022

ISBN 978-5-0056-5359-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серия «Мир детектива: Франция»

Мари Ж. Ошибка доктора Маделора
Бело А. Королева красоты
Декурсель П. Сын тайны или два ребенка
Феваль П. Жан-дьявол
Мало Г. Разбитая жизнь
Фере О. Запутанное дело
Габорио Э. Адская жизнь

В серия «Мир детектива» вышли:

Хьюм Ф. Человек в рыжем парике
Смолл О. Дж. Образцовая загадка
Фримен Р. Остин. Тайна Анджелины Фруд
Хрущов-Сокольников Г. Джек – таинственный убийца: большой роман из англо-русской жизни
Мейсон А. Э. В. Дело в отеле «Семирамида». Бегущая вода
Александров В. Медуза
Панов С. Убийство в деревне Медведице. Полное собрание сочинений С. Панова
Мейсон А. Э. В. Страшнее тигра
Детектив на сцене. Пьесы о Шерлоке Холмсе
Мейсон А. Э. В. Часы и дилеммы

Ошибка доктора Маделора

Часть первая. Закулисная жизнь одной «знаменитости»

Глава I

Начиная с 11 сентября 1855 года, весь судейский персонал Шато-ле-Шателе был заинтригован таинственным делом, имевшим широкий общественный резонанс. Делом об отравлении фермера Комбределя.

Комбредель был известной личностью в Шато. Он был очень богат, а его ферма, Глориэт, занимала больше половины территории деревни Армуаз, и крестьяне уверяли, что его доход превышал пятнадцать тысяч франков.

Два дня спустя, после смерти фермера, 13 сентября была арестована жена покойного, Анна Комбредель. С тех пор как ее посадили в тюрьму в отдельную камеру прошло уже два месяца.

Доктор Маделор – ученый-химик и врач в Шато, человек хорошо известный в департаменте, должен был произвести судебно-медицинскую экспертизу.

Следственный пристав, Лимэ, и королевский прокурор, Монсежу, хранили упорное молчание относительно этого дела, но свидетели болтали разное. Тут и там, в обществе, они повторяли свои показания, и вскоре из этих отрывочных данных, собранных на живую нитку в одно целое, сложился довольно странный рассказ.

Жизнь Анны Комбредель, подсудимой, была разобрана по кирпичику. Ее привычки, вкусы, наклонности – все это теперь ни для кого уже не было тайной.

Подсчитали, сколько она тратила. В ход пошли намеки на ее внешность и наряды, а ее благотворительность назвали возмутительным лицемерием.

Рассказывали, что, под видом напускной скромности, она развратничала и вела распутную жизнь. Утверждали, что ее благородный характер, ее готовность каждую минуту прийти на помощь бедному и несчастному, были всего лишь прикрытием, под которым было удобно прятать разного рода разорительные фантазии.

Нотариус в Шато, Лагрэнэ, поверенный в делах Комбределя, заявил, что за несколько дней до смерти фермера, несмотря на относительное богатство последнего, на ферме Глориэт ощутили недостаток в деньгах. Между тем, капитал весьма выгодным образом был перемещен в другое место. Акции были проданы за наличные. Земля также была продана, и деньги за нее были получены, но следствие показало, впрочем, что деньги эти не были пристроены ни к какому делу.

Так что случилось с деньгами? Куда они были потрачены? Вероятно, деньги были израсходованы госпожой Комбредель? Но, в таком случае, что могло стать загадочной причиной подобного мотовства?

Несомненно – тут была тайна! Но какая? Вот вопрос!

Догадкам не было конца, но никто не мог дать ответа на этот вопрос.

Следственный пристав несколько раз вызывал на допрос госпожу Комбредель.

Сбитая с толку неумолимой последовательностью его расспросов, несчастная женщина давала невнятные ответы, плакала, терялась.

– Известно ли вам, сударыня, – спрашивал пристав, – какое тяжкое обвинение тяготеет над вами?

– Да, сударь, меня обвиняют в преступлении, говорят, что я отравила человека, которого любила – человека, рядом с которым моя жизнь текла спокойно и счастливо. Меня обвиняют в том, что я отравила своего мужа!

Лимэ сделал рукой утвердительный жест.

Анна, в сильном волнении, дрожа, спросила:

– Тогда скажите же мне, наконец, на чем основана эта ужасная клевета?

– Хорошо. Я вам скажу.

И пристав последовательно ознакомил подсудимую с теми уликами, которые указывали на нее. Говорил он медленно и с расстановками, время от времени поворачиваясь в сторону письмоводителя, но при этом, не смотрел на него. Это было условным знаком, чтобы тот записывал ответы подсудимой.

Анна путалась и давала противоречивые показания.

Лимэ не перебивал ее, давая ей возможность высказаться. Бесстрастный, как сам закон, он хладнокровно следил за тем, с каким трогательным беспокойством подсудимая старалась защитить себя от ужасного обвинения.

Наконец, она окончила говорить. Все ее опасения, все ее возмущение были выражены в том умоляющем жесте, которым она закончила свою речь.

После этого, пристав сказал ледяным голосом:

– Несколько раз опрошенные свидетели, Клотильда Поврэ, Ледюк, Рудье и другие показали, что видели вас ночью на ферме Глориэт, где вы разговаривали с каким-то неизвестным. Впоследствии вам устроена будет очная ставка со всеми этими лицами. Рудье, который подсматривал за вами, утверждает, что он дважды видел вас с названным незнакомцем. Отвечайте, правда ли это?

– Да, – отвечала вдова взволнованным голосом.

– Не угодно ли вам будет сказать, кто был этот человек? Назовите его имя, сообщите о тех отношениях, которые существовали между вами.

– Я не могу этого сделать.

– Что мешает вам ответить на этот вопрос?

Анна хранила молчание.

– Подумайте о том, – начал снова следственный пристав, – что ваше молчание и ваш отказ сказать правду могут иметь для вас весьма неприятные последствия. Нам нужно знать имя этого человека. Судите сами, хладнокровно и дайте ответ.

Анна молчала.

– Что за тайна связывает вас с этим неизвестным? Может быть, вы боитесь того, что подумают, что он был ваш любовник... Может быть, вы боитесь навлечь на него подозрение в соучастии?

Анна резким и порывистым движением поднялась со своего места и сказала дрожащим голосом:

– Первый раз в жизни обвиняют меня в таком гнусном поступке! Первый раз в жизни швыряют мне прямо в лицо это слово – любовник!.. Милостивый государь, я признаю за вами право обвинять меня, но... но, пожалуйста, не оскорбляйте меня!

– Сударыня, – отвечал пристав, – не продолжайте. Я верю в искренность вашего негодования.

– В таком случае, помогите мне!

– Отвечайте на мои вопросы. Кто тот неизвестный, кого свидетели называют вашим любовником?

– Вы мне задаете единственный вопрос, на который я не могу ответить! – сказала подсудимая, с убитым видом.

Пристав устремил на нее пристальный взор и смотрел в упор на протяжении нескольких минут, храня молчание.

После этого, он сурово произнес:

– Сударыня, вы играете с правосудием! Еще раз повторяю свой вопрос, вы будете отвечать?

– Нет, нет, нет... никогда!

Следственный пристав позвонил. Появились жандармы.

– Отведите подсудимую в камеру!

Глава II

В Шато только и толков было, что о деле Комбределя.

Несмотря на известные факты, которые были налицо и свидетельствовали против подсудимой, несмотря на чудовищность преступления и на то негодование, которое оно возбуждало – находились люди, призывавшие не торопиться с окончательным приговором.

Они говорили:

– Улики против подсудимой, и улики, правда, весьма веские, свидетельствующие о существовании любовника, о котором жена фермера отказывалась давать показания. А еще безумные траты, мотивы которых госпожа Комбредель отказалась назвать и нежелание сообщить, на какие цели были направлены деньги. Конечно, по мнению большинства, эти деньги были потрачены на любовника, а также мышьяк, найденный у подсудимой во время следствия, душевное смятение молодой женщины, ее сбивчивые и противоречивые показания – все это, вместе взятое, разумеется, вынуждает подозревать вдову. Но суд был ее еще впереди.

Внести в это дело ясность мог только один человек. Только на него можно было положиться! И это был – доктор Маделор.

Будет ли найден яд во внутренностях трупа покойного Комбределя? Вот что составляло предмет всеобщего любопытства.

Если бы исследования ученого врача констатировали присутствие яда в трупе – тогда не могло быть и места сомнениям.

Скоро в Шато и в деревне Армуаз распространился слух, что доктор Маделор представил результат своей экспертизы на обсуждение судейского персонала...

При этом Анна вела себя, как львица. Ее поведение было исполнено достоинства и благородства.

Да и могло ли быть иначе? Над ней тяготело обвинение в позорном преступлении – разве имело смысл сдаваться без боя? К тому же чего ей было бояться?

В самом деле, рано или поздно, разве не признают ее невинность и не провозгласят перед всем светом о ее чистой совести? Разве она не верит в правосудие, от которого истина не может укрыться?

Она не сомневалась в том, что ее продержат в тюрьме еще несколько дней, пока не закончится следствие, а потом откроют перед ней двери ее темницы. Тогда она сможет заключить в объятия своего маленького сына, Жерома, которого оставила в Армуазе. Счастливое будущее щедро вознаградит ее за все это время – время слез и отчаяния.

Вера ее в то, что именно так окончится дело, – была непоколебима. Ее освободят. Ведь, еще не случалось, чтобы обвиняли невинных! Настоящая нелепость!

Так не раз рассуждала и думала бедная женщина.

А дни, между тем, тянулись вяло и медленно, не приносили никакого решительного поворота в ее судьбе. Изредка только навещал подсудимую следственный пристав – Лимэ.

Одним своим видом: пристальным, ледяным взглядом и бледными, плотно сжатыми губами, неумолимый судья, вызывал несказанный ужас в душе вдовы. Что, если он не поверит ей?

И действительно, это был крайне подозрительный человек. Притом, что масса улики были налицо, достаточно чтобы признать ее вину!

А этот постоянный, неумолимый, настойчивый допрос:

– Кто тот незнакомец, с которым у вас какие-то таинственные отношения? Один и тот же вопрос!

И именно тот, на который она не могла дать ответа. Она была обязана хранить молчание, и от этого ей делалось страшно.

Но тут ей приходила мысль о Маделоре.

«К счастью, – думала она тогда, – к счастью, не все еще кончено. За меня заступится наука! Ученый врач докажет, что я невинна! Его приговора я жду со спокойной совестью».

Прошло еще несколько дней. И тут, как-то, подсудимую снова потребовали доставить к Лимэ на допрос.

Пристав прочитал ей, медленно и с расстановками, акцентируя некоторые слова, доклад врача, составленный им для суда. Маделор констатировал, что фермер Комбрель был отравлен с помощью мышьяка...

Анна не поняла ничего, с первого раза. Лимэ прочитал во второй раз. После этого, он ласково и нежно сказал:

– Анна Комбрель, перестаньте упрямиться. Запирательство ни к чему не приведет. Лучше сознайтесь! Скажите всю правду!

Она молчала.

У нее в ушах раздавался невообразимый шум, глаза ее застилал какой-то туман. Потом, дрожащая, растерянная, она вдруг поднялась со своего места.

– Нет, все не так, не так! – проговорила она невнятно.

После этого, немного успокоившись, госпожа Комбрель обратилась к следственному приставу:

– Неужели же вы потребуете от меня того, чтобы я повторила вам сотый, тысячный раз. Вы вынуждаете меня повторять все это. Вы затрагиваете вопросы, касающиеся интимной стороны моей жизни. Я любила своего мужа. Сердце мое было переполнено этой любовью. Между нами никогда не было и тени недоразумения. Только таким образом, посвящая вас в подробности моей жизни – могу я защитить себя. Меня давит, душит обрушившееся на меня несчастье. Говорю вам, что я невинна, и что ваше обвинение ужасно! Я – отравительница? И кого я отравила? Своего мужа? Разве это возможно? Этот человек посвятил мне всю свою жизнь. Я гордилась его глубоким чувством ко мне! Я была счастлива! И вдруг, после всего этого, мне говорят, что я отравила своего мужа! Подумайте сами, господин судья, есть ли смысл в обвинении подобного рода? Вы просто смеетесь надо мной! Не обезумь я от горя, то, мне кажется, я всегда сумела бы защитить себя и заставила бы вас согласиться с моими доводами. Но, я сама не знаю, как все это случилось – я даже потеряла способность думать.

Эта тюрьма, где я нахожусь вот уже две недели, в одиночной камере, оторванная от моего сына! Эти допросы, которые не дают мне ни минуты покоя! Этот ужас, теснящий мне грудь! Страх, что я не сумею защитить себя перед судом – все это, вы сами видите, господин судья, сводит с ума. Я больна! Я не знаю, что со мной происходит!

Скажу снова, я могу вам сказать только одно: «я невинна, невинна!» Вы слышите, я невинна! Помогите... помогите же мне! Вы видите, что в тех уликах, которые вы собрали против меня, есть очень тесная взаимная связь. Вам представляется это естественным, но я предостерегаю вас: Смотрите, будьте осторожны! Это бывает иногда просто случайность, а в подобного рода делах случайность может иметь ужасные последствия. Улики, тяготеющие надо

мной, кажутся вам несомненными. Вы подавлены их роковой связью. Но, скажите, разве вы не привыкли встречать в подсудимых желание прибегнуть к хитростям, к различного рода уловкам. В моем случае ничего подобного нет, не так ли? Но я знаю, что вы думаете в настоящую минуту. Вы думаете в это время: «Преднамеренная неосторожность, преднамеренное отсутствие хитрости – есть все та же уловка!» О, это ужасно!

Так говорила госпожа Комбредель. Речь ее текла порывисто и неудержимо, глаза ее сверкали, на щеках пылал лихорадочный румянец.

Следственный пристав слушал ее, не перебивая. В голосе подсудимой звучало столько искренности! Ее печаль была так искренна! Следственный пристав почувствовал себя немного взволнованным.

Но что он мог сделать? Отравление мышьяком был налицо.

– Вы утверждаете, что мой муж умер от отравления, что это подтверждает медицинская экспертиза. Вы говорите, что в трупе найден яд. Я не могу вам не верить. Преступление совершено. Ищите того, кому было выгодно совершить его. Мне незачем было прибегать к злодеянию. Подумайте сами об этом хорошенько. Конечно, это ужасно – вдаваться во все эти подробности, но это необходимо. Вы сами заставляете меня поступать так, а не иначе!

О тех денежных выплатах, которые вы ставите мне в вину – было известно моему мужу. Деньги, об использовании которых я не хочу и не могу ничего сказать – опять-таки были даны мне моим мужем. Этот человек всегда был так рад, когда ему удавалось исполнить мою волю, исполнить мои прихоти и мои желания.

В комнате у меня нашли мышьяк. Этот яд, точно, я туда положила. Но я приобрела этот мышьяк для себя. В минуту отчаяния, я хотела лишиться себя жизни.

Вы улыбаетесь? Вы думаете в это время, что эта мысль о самоубийстве не вяжется с тем счастьем, которое доставляла мне любовь мужа. А, между тем, это так... это правда. Клянусь вам в этом!

Вы предполагаете, что мои денежные расходы связаны с чем-то предосудительным. С чем, именно? Вы говорите, что у меня есть любовник? Кто же он, этот любовник?

Вам желаете обвинить меня в этом, потому что я молчу о том обстоятельстве, которое дошло до вашего сведения. А я говорю о моих отношениях с одним человеком – об отношениях, неизвестных моему мужу. Я не отрицала и не отрицаю этих отношений. Но это тайна, и я не могу рассказать вам о ней. Предположите, что я ответила бы вам на этот вопрос, назвала бы имя этого человека, о месте жительства которого я не имею даже понятия, сообщила бы вам характер моих отношений. Разве это может изменить суть дела? Разве это могло бы освободить меня от обвинения, которое надо мной тяготеет. Разумеется, – нет, потому что врач нашел яд в трупе моего мужа.

Неужели же вы не можете предположить, что в семействе возможна тайна, настолько сама по себе позорная, что те, которые ею владеют, согласились бы скорее умереть, чем сделать ее достоянием всех и каждого?

Вы видите, одним словом, что надо всем этим делом тяготеет нечто роковое, фатальное, что влечет меня на край гибели. И я могу только повторить вам, что я невиновна! Другого средства к защите у меня не существует. Я невиновна! Невиновна!»

Произнося эту речь, она невольно приблизилась к следственному приставу. Ее руки были сжаты, пальцы конвульсивно стиснуты. Она устремила пристальный взгляд на судебного пристава, а из груди вырвался крик отчаяния, в который она вложила всю силу своих страданий, всю силу своих страхов и опасений.

– Сжальтесь же, сжальтесь надо мной, господин Лимэ, – я потеряла все мужество. Мысли убегают от меня. Все меня бросили. Все меня обвиняют, привлекают к ответственности. Сжальтесь же надо мной.

Письмоводитель записывал слова подсудимой. Он сидел, склонив голову над своим бюро, складывая в стопку исписанные листки допроса. Время от времени он приподнимал голову, брал перо в зубы, поспешно хватался за песочницу и посыпал невысохшие чернила желтым песком. Когда лист был исписан, письмоводитель движением большого пальца отодвигал его в сторону. На подсудимую он даже не смотрел.

Его перо бегало по бумаге и скрипело, иногда оно цеплялось за шероховатости бумаги. Тогда чернильные брызги летели на бумагу, туда, где уже находились вопросы пристава и ответы подсудимой.

Лимэ рассеянно смотрел на своего помощника. Он держал в руке нож из слоновой кости и играл им.

Было видно, что речь молодой женщины его взволновала и он медлил с ответом.

Для того чтобы начать говорить – ему следовало собраться с духом. Анна не спускала с него своего взгляда, а ее глаза были красными от слез.

Бедной женщине не было более тридцати лет, а между тем она выглядела теперь значительно старше своих лет. Лоб был прорезан морщинами, нос обострился, углы губ отвисли, губы побледнели. Она так много страдала, в последнее время!

Следственный пристав невольно чувствовал, что на него устремлен этот настойчивый взгляд, полный немой, но выразительной, мольбы, отчаяния и страха.

Прошло много времени. Все упорно молчали. Наконец, судебный пристав, печально произнес:

– Я хочу вам верить, но я не могу.

Подсудимая поникла головой и ничего на это не ответила.

Следствие было окончено. Дело передавали в следующую инстанцию. Обвинение отдала приказание передать следственный протокол суду ассизов.

Заседания суда в Шато-ле-Шателе должны были начаться три недели спустя.

В городе царило лихорадочное оживление. Все были возбуждены и ждали решения суда. Не знали, как и дожидаться открытия ассизов.

Рассказывали и обсуждали данные, выяснившиеся на предварительном следствии. С особым же интересом говорили о судебно-медицинском показании ученого врача Маделора, все были единогласно согласны, что это показание будет иметь решающее значение для всего дела.

Заявление Маделора о наличии в трупe покойного Комбрeдeля яда неумoлимo констатировало очевидное преступление. В лице Маделора сосредоточились теперь и прокурор, и присяжные, и вообще, весь судебный процесс.

Вердикт зависел теперь только от Маделора!

Глава III

За несколько дней до открытия ассизов, доктор Маделор увидел из окна своего рабочего кабинета, что к его дому подъехал сутуловатый старичок, тяжело опиравшийся на палку с обмистым набалдашником. Старичок держал за руку ребенка лет десяти.

Это был врач из деревни Армуаз – доктор Савиньё, друг семейства Комбрeдeлей. Он когда-то лечил фермера, во время его кратковременной болезни.

Ребенок, которого старичок держал за руку, был Жером, сын Анны Комбрeдeль – той самой вдовы Комбрeдeль, которую обвиняли в отравлении.

Господин Савиньи прошел через сад и позвонил в дверь.

Маделор, который узнал своего гостя, бросился сам открывать ему дверь, после чего провел гостя к себе в кабинет.

Савиньи, по-видимому, был очень взволнован.

– Чем я могу быть вам полезен, любезный коллега? – спросил доктор Маделор.

Жером высвободил свою руку из руки Савиньи и с детским любопытством стал осматривать комнату. Повсюду стояли реторты, различные медицинские и химические аппараты и склянки!

У окна, на табуретке, сидела дочь доктора Маделора. Это была девочка лет шести, которая старалась собрать из лоскутков платье для своей куклы.

Кукла лежала рядом, лицом вверх, со сложенными накрест руками.

Дети с удивлением посмотрели друг на друга. Потом, на губах Марии – так звали дочь доктора Маделора – заиграла улыбка. Это было своеобразное, робкое, нерешительное приглашение к знакомству. В ответ на эту улыбку, Жером тоже улыбнулся.

Маленькими шажками он направился к девочке, в нерешительности скользя рукой по столам, мимо которых шел. Мальчик кусал себе губы, а его щеки покраснелись. Словом, он был очень смущен.

Мария поднялась с табуретки, взяла мальчика за руку, подвела к окну и сказала:

– Иди, посмотри, какая у меня кукла!

Между тем, оба доктора тоже разговаривали. Правда, теперь они говорили вполголоса.

Савиньи, весь бледный, спрашивал у Маделора:

– Итак, следовательно, вы покончили с этим делом?

– К несчастью, да, – отвечал Маделор, подчеркивая слова. – Даю вам слово, что я всячески старался отклонить эту печальную обязанность. Производя расследование, я пришел к выводу...

– Я знаю. Комбредель умер от отравления?

– От отравления мышьяком.

– И вы убеждены в этом?

– Не может быть никакого сомнения.

Савиньи поник головой, нервно похрустывая пальцами.

После некоторой паузы, он начал снова:

– Вы отдаете себе отчет, какую ужасную берете на себя ответственность в этом деле? Простите меня, что я говорю с вами таким образом. Я обращаюсь к вам с подобного рода словами, не потому, что не доверяю вам или не верю в вашу опытность – совсем нет, мной движет глубокая дружба, которую я испытывал к несчастному Комбределю и его жене. Мне так близки были их интересы, я очень хорошо и подробно знаю всю их жизнь, что никогда не поверю, чтобы мой друг был отравлен своей женой. Нет, нет... я не могу этому поверить. Они любили друг друга, как в первые дни после свадьбы. Ничто и никогда не омрачало их семейного счастья. Я напрасно ломал себе голову, тщетно рылся в своих воспоминаниях. И ничего не могу найти такого, чтобы допустить возможность подобного ужасного преступления. Покойный фермер вел такую тихую, безмятежную жизнь. Он не знал, что такое ненависть. Он не мог стать объектом чьей-то мести. Поведение его было безукоризненно, все его любили и все были к нему привязаны. Это отравление, повторяю вам, для меня настолько невероятный случай, что – простите меня, господин Маделор, – я, право, не знаю, верить ли...

– Я нашел следы мышьяка во внутренностях Комбределя, – сухо сказал Маделор. – Органы, пораженные отравлением, будут фигурировать на суде, в качестве вещественного доказательства. Ваши сомнения... Я не могу разделить ваших сомнений.

– Но, – сказал Савиньи нерешительно, некоторого рода колебания, – не можете ли вы допустить, несмотря на ваш громадный опыт, несмотря на безграничную веру в самого себя – веру, основанную на обширных познаниях, не можете ли вы допустить несчастного случая, ошибки в этом деле. Да, не можете ли вы этого предположить? Подумайте о том, что жизнь и смерть госпожи Комбредель находятся теперь в ваших руках... Какая-нибудь оплошность

в анализе, простая невнимательность, случайная рассеянность – и вот вам повод для ужасного, непоправимого несчастья.

Маделор поднялся со своего места. Его губы были бледны и дрожали:

– Милостивый государь, – сказал он, – вы слишком долго испытывали мое терпение. Господин Савиньи, избавьте меня от подобных объяснений, которые мне неприятны. Ваше подозрение набрасывает тень на мою честь и на мою репутацию. Вы имеете полное право потребовать провести повторную экспертизу. Вам не смогут отказать в этом, если состав суда признает мою экспертизу недостаточной... Моя совесть чиста.

Так разговаривали между собою коллеги по профессии.

А между тем, дети успели познакомиться друг с другом.

Мария пошла за новыми игрушками. Она Принесла их и стала показывать их одну за другою Жерому. А Жером внимательно ее слушал.

– Хочешь, пойдем, побегаем!

– Пойдем!

Дети вышли из комнаты и побежали по саду, а когда вернулись, болтали между собою, как давние друзья.

Очутившись в кабинете, Жером услышал, что Маделор говорит взволновано, громко и в резких выражениях. Это обстоятельство произвело тяжелое впечатление на Жерома.

Мальчик стал невпопад отвечать на расспросы Марии, инстинктивно прислушиваясь к разговору старших.

– Это твой отец? – спросил он у Марии.

– Да. А где твой отец?

– Мой?

– Ну, да – твой!

– Он умер.

– А мать?

– Ее посадили в тюрьму.

– Да? – сказала Мария, удивленно заглядывая в лицо своего собеседника, после чего, девочка замолчала.

Между тем, Жером продолжал вслушиваться в разговор Маделора и Савиньи. Он услышал имя матери. При этом дорогое для него имени, сердце его усиленно и тревожно забилося. Он слушал и понимал.

Вдруг, с криками и рыданиями, он стремительно бросился в объятия к Савиньи и нервно к нему прижался. Девочка сделала то же самое. Ее щеки лихорадочно покраснелись. Личико опечалилось. Старик обнял и Марию. Дрожащей рукой он ласкал, в одно и то же время, и дочь Маделора, и сына вдовы. Странная случайность, сблизившая этих обоих детей, на самой заре их жизни!

Савиньи долго не спускал пристального взгляда с малюток. После этого, он посмотрел на врача-эксперта. Казалось, он надеялся встретить такую картину: Маделор, взволнованный, нерешительный, сбитый из позиции, стоит перед этим ребенком, который с такими громким плачем взывает о спасении своей матери...

Маделор сделал нетерпеливый жест рукой и неловким движением повернул свою голову в сторону.

Тогда старик встал со своего места и направился к двери. Мария продолжала тихонько плакать. А лицо Жерома приняло какое-то суровое выражение, и в глазах отразилась ненависть.

Он взял за руку Савиньи. Переступая через порог двери, мальчишка обернулся в сторону Маделора. И в его взгляде снова сверкнули ненависть и злоба. Губы плотно сжались, и, каза-

лось, мальчику стоило много труда сдержаться, чтобы не выкрикнуть в адрес доктора какую-нибудь угрозу...

– До свидания, господин Маделор!..

Глава IV

Население Шато-де-Шателя охватил необычайный ажиотаж. Близь здания суда нельзя было ни пройти, ни проехать. Сам зал был переполнен публикой.

Наступил день ассизов.

Привели Анну. Необычайное волнение мешало ей в полной мере оценить то, что творилось вокруг.

Между тем, при виде вещественных доказательств, выложенных на стол, она невольно почувствовала внутри себя какой-то ледяной холод. После этого, машинально заняла место среди жандармов, которые были неподвижны, как статуи. Подсудимая сидела, выпрямившись, положив руки на колени. До ее слуха доносился монотонный голос, который, то и дело, произносил ее имя. Этот голос читал что-то, но что именно – этого она не понимала. Вокруг нее разговаривали, кто-то задавал ей какие-то вопросы, кто-то давал на них ответы. Ее попросили встать, и ей пришлось подчиниться. Анна Комбрель была, как во сне. Она была убита, уничтожена.

Наконец, перед судьями появился Маделор, одетый в черное, и дал свои ужасные показания. Вслед за этим, в зале суда раздался крикливый голос адвоката, взявшего на себя ее защиту. Он не щадил усилий, чтобы дискредитировать результаты медицинской экспертизы. Но Маделор возразил, он вступился за свои выводы с особенной энергией.

Что произошло после этого?

Да разве она может на это ответить. Как будто члены суда еще раз обменялись какими-то отрывочными замечаниями. Кто-то сделал было какое-то возражение. В зале раздался шум, все разом заговорили. Наконец, все стихло.

Подсудимой снова велели встать. К ней еще раз обратились с вопросом. Это был уже последний вопрос. Ей показалось, что ее спрашивают, не имеет ли она чего-либо добавить к защите. И она отвечала:

– Нет!

Ее увели. В комнате, куда ее отвели и оставили одну, вместе с жандармами, царила мертвая тишина, но в ее ушах раздавался звон. Ее глаза, в печальной задумчивости, были устремлены на пол. Она машинально считала кирпичи мощеного пола под ногами.

Наконец, жандармы подошли к ней с двух сторон, и каждый из них взял ее под руку и в последний раз привели ее в зал суда.

Навстречу ей доносился тот же самый неприятный голос, от которого она вздрогнула, еще в начале заседания. Этот голос прочитал монотонным образом несколько фраз, которые заканчивались следующим образом:

– Приговорена к смертной казни!

Подсудимая затрепетала, как бы пораженная ударом гильотины.

Голова ее бессильно упала на грудь, руки безжизненно опустились вдоль тела.

Среди публики были слышны отдельные голоса, в которых выражалось волнение. Шум от этих голосов перекрыл повелительный призыв к молчанию.

После этого, вперед выступил человек, одетый в красное платье. Он невольно обращал на себя всеобщее внимание среди толпы, облеченной в одежды темного цвета.

Он заявил подсудимой:

– Анна Комбрель, у вас есть три дня, в течении этого времени вы имеете право подать жалобу в Кассационный суд.

Подсудимая приподняла голову, устремила пристальный взор на человека в красном и сказала:

– Сколько дней?

Председатель суда повторил более четко:

– Три дня.

Она растерянно мотнула головой и... рассмеялась.

Ее увели.

Глава V

Дело Комбрелей произвело в Шато на всех глубокое впечатление, но какого-то странного свойства: все испытывали какой-то необъяснимый страх.

Когда прения по делу кончились, а в процессе не осталось ни для кого и тени тайны, знакомые, остановившись где-нибудь при встрече на улице, говорили один другому:

– Не будь доктора Маделора, госпожу Комбрель не смогли обвинить!

Общественное мнение, позабыв на время о несчастной женщине, на которую только что обрушилась кара правосудия, увлеклось теперь личностью ученого доктора, вооружившего, во имя науки, наказующую руку человеческого суда.

В провинции, любопытство, обычно, принимает весьма откровенные формы. Это любопытство, раз нацеленное на Маделора, стало преследовать его с неумолимой настойчивостью. Когда он шел по улице, взгляды всех устремлялись в его сторону и долго-долго следили за ним. Если он проходил мимо окон чьего-либо дома, занавески в этих окнах начинали вдруг колыхаться, их приподнимали, а из-за них выглядывали головы любопытных, сгоравших от нетерпения взглянуть на проходящего мимо доктора.

Словно он был какой иностранец! Словно его никогда прежде не встречали на улице!

Маделор сделался вдруг каким-то легендарным лицом. При его появлении, всеми овладевал какой-то непонятный ужас. Все стали относиться к нему с необъяснимой недоверчивостью.

Он проходил по улице с потупленной головой, мелкими шагами, тяжело опираясь на свою трость, не обращая внимания на то, что вокруг него происходило. Казалось, был весь погружен в какие-то тяжелые думы.

Можно было подумать, что мозг его занят какими-то научными исследованиями, которые не дают ему покоя, даже и во время прогулок, предпринятых с целью развеяться.

Дети сторонились, разбегались враспынную, бросали свои игры – стоило им только издали завидеть печальную и униженную фигуру доктора, шедшего к ним навстречу. В их детском воображении образ доктора Маделора был окружен ужасами какой-то грозной, непобедимой власти. В таком смысле отзывались всегда о докторе их отцы и матери. Спрятавшись куда-нибудь, при приближении Маделора, дети говорили про него шептались:

– Это господин Маделор, доктор...

Другие спешили прибавить:

– Это тот человек, по вине которого осудили и приговорили к смерти госпожу Комбрель! Приговорена к смерти! К смерти!

Легко сказать! Для детского разума это было такое дикое, непонятное слово! Конечно, доктор должен, непременно, быть каким-нибудь сверхъестественным существом, чтобы так полновластно распоряжаться жизнью своих ближних...

В дни, следовавшие за днем судопроизводства по делу госпожи Комбрель, Маделор много выходил из дому. Он чувствовал, что город интересуется им, что в устах всех и каждого находится его имя. Он еще раз хотел убедиться в непоколебимости своей медицинской репутации, которая, вот уже целые двадцать лет, окружала его своим ореолом.

И это не значит, чтобы Маделор обманывал самого себя. Его вера в самого себя была здесь решительно не при чем, и нисколько не затемняла его обычного беспристрастия. Он искренно был убежден в своей правоте. Со дня обвинения Анны Комбредель, в глубине его души ни разу не шевельнулось ни единого упрека совести, ни единого сомнения или какого-либо беспокойства. Он довел до конца тяжелую, возложенную на него обязанность. Вот и все!

Он сделал несколько визитов. Обыкновенно, он очень редко навещал своих знакомым, через большие промежутки времени, по торжественным дням.

Теперь, когда его имя переходило теперь из уст в уста, но к его имени, как нечто роковое, неизбежно присоединялось имя Анны Комбредель.

Будь он хотя бы немного повнимательнее к тому, что вокруг него творилось, не будь он так сильно ослеплен блеском своей репутации, он, непременно, сумел бы подметить известного рода пугливое любопытство, которое проглядывало в том показном радушии, с каким его везде принимали.

Но доктору Маделору было теперь не до этого.

Он с жадностью наслаждался своей собственной славой. Эта слава его ослепляла, так сильно он был поглощен созерцанием своего торжества...

Конечно, это было торжество... Не найди он в трупе яда – он смотрел бы на это, как на неудачу. Не найти яда – для него значило потерпеть фиаско.

Глава VI

Приговор Анне Комбредель был вынесен.

Она, словно милости, попросила позволения увидеться со своим сыном. И ей милостиво разрешили.

Доктор Савиньи, привел маленького Жерома в Шато. Вследствие какого-то особенного снисхождения – может быть, потому, что вдова фермера, даже и после приговора, вызывала к себе какой-то таинственный интерес – ребенку позволили войти в тюрьму.

Тюремщики были настороже. Жером, в смущении, медленными шагами подошел к матери. Та протянула к нему руки и когда мальчик очутился в ее объятиях, он положил свою голову к ней на грудь и зарыдал.

Анна прижала его к себе изо всех сил. Она не могла ни плакать, ни говорить.

Жером обвил руками голову своей матери. Он вздрагивал всем телом и дрожал, как в лихорадке. Рыдая, он кричал:

– Матушка! Матушка! Милая матушка! Я не хочу, чтобы они тебя у меня отняли. Я не хочу, матушка, чтобы ты умерла из-за них.

Она посадила его на скамью, уложила его голову к себе на колени, обвила руками и, с судорожным нетерпением, стала осыпать его поцелуями.

Бедная женщина находилась в страшном волнении. Своими безумными поцелуями она пыталась осушить слезы на глазах мальчика.

– Успокойся, да, успокойся, мой ангел! – говорила несчастная мать, а потом, вдруг затихала.

Она прижималась к ребенку и прислоняла свое лицо к его детскому личику. Ее светлые волосы, рассыпавшиеся беспорядочными, длинными прядями вокруг ее шеи, перемешивались теперь с черными локонами ребенка.

Наконец, она успокоилась, и обратилась к сыну:

– Не правда ли, Жером, ты всегда, всегда будешь любить свою мать? Да, я знаю, ты будешь ее любить, несмотря на тот незаслуженный позор, который ее убивает. Прежде чем произнести над ней свой приговор, ты дождешься того времени, когда ее уже не будет на этом свете. Ты подождешь, когда свет истины прольется на это преступление, которое вынуждают меня иску-

пить теперь своей смертью. Потому что – видишь ли, правда, рано или поздно, непременно откроется, но будет уже поздно. Жером, ты будешь всегда любить свою мать и будешь любить ее все сильнее и сильнее. Ты вспомнишь о тех заботах, о той помощи, которой она тебя окружала, вспомнишь, как она была снисходительна к твоему непослушанию, как она прощала твои шалости. Если бы ты только знал, мой милый мальчик, с каким чувством невыразимой радости я тебя воспитывала, следила за развитием твоих способностей, наблюдала за первыми пробуждениями твоих сердечных привязанностей. Да будет память твоей матери для тебя священна, мой дорогой! Пусть месть и ненависть никогда не коснутся твоего сердца. Твоя мать, действительно, много выстрадала, но мести, мести не надо. Может быть, по мере того, как ты будешь расти и мужать, – может быть, все эти ужасные сцены, при которых ты присутствуешь теперь, в качестве свидетеля, изгладятся из твоей памяти. Тем лучше! Дай бог, чтобы ты не знал, что такое печаль и тоска. Пусть мир и спокойствие царят в твоем сердце!

Сказав это, она слегка приподняла голову мальчика. Ее глаза были красными и заплаканными. А он не спускал своего взгляда с матери.

Анна Комбрель смотрела на сына с неизъяснимою нежностью, стараясь запечатлеть одну за другой все черты этого милого личика, которое ей не суждено будет более увидеть на этом свете.

Жером не проронил ни одного слова из того, что было сказано его матерью.

Его ум не был готов осознать происходящее. Перед его воображением, с поразительной ясностью, развертывалось все его будущее.

Это был уже не ребенок, слушавший Анну Комбрель – это был взрослый мужчина.

Подошла тюремная охрана. Они заявили, что время свидания вышло, и что матери и сыну следовало бы расстаться. И, точно – следовало.

Оба, бледные человеческие существа потеряли способность лить слезы. Только рыдания подступали к горлу и душили их конвульсиями. Они в последний раз заключили в объятия.

– Оставь, оставь меня, мой ангел, – сказала мать, – не оставайся здесь. У меня не хватит мужества.

Тюремщики взяли Жерома за руку и повели к выходу. Переступая через порог двери, мальчик оглянулся. Его мать, стоя на коленях, с глазами, расширенными от мук страдания, протягивала к нему руки, пытаясь что-то сказать, но слова не сходило с ее губ.

Жером, с силой, вырвался из рук тюремных охранников. Впрочем, они и не старались его удержать. У них у самих глаза были полны слез.

Ребенок упал на руки матери, которая была без сил от внутреннего волнения.

– Прощай, – прошептала она, целуя сына с поспешностью, – прощай, прощай!

Возможность обжаловать решение суда кассационным образом была отвергнута обвиненной. Анна не хотела прибегать к чьей-либо милости. Она решилась пожертвовать своей жизнью. Суд людской произнес над ней свой приговор, теперь она предавала себя в руки божьего правосудия.

Впрочем, и с ней не обошлось без реакции.

Так, совсем уже без борьбы, она не хотела сложить своей головы на гильотине. Она велела позвать к себе следственного пристава, также президента ассизов и наконец, своего адвоката.

Но она не смогла говорить ни с одним из них. Можно было подумать, что присутствие судей повергает ее в состояние какого-то ледяного оцепенения.

Адвокат предложил подать ей перо, чернила и бумагу. Она согласилась, принялась, было, писать, села за стол, всячески стараясь себя успокоить. Ей хотелось, по-видимому, восстановить в своей памяти разного рода воспоминания. Схватившись вдруг за перо, она набросала на бумаге какие-то странные фразы, безо всякой внутренней логики и последовательности.

В этих фразах попадались два следующих собственных имени:

Антония... Пиэкер...

И больше ничего!

Память отказывалась ей служить. Ее страдания, душевные муки, которые тяготели над ней на протяжении нескольких месяцев, окончательно надломили ее волю. Она была убита, угнетена, уничтожена.

Письмо, написанное в одиночном заключении, было представлено на рассмотрение суда. Всех удивила чрезвычайная непоследовательность послания.

Маделор и другой врач из Шато-ле-Шателя освидетельствовали молодую женщину. Поскольку предполагали, что она страдает умопомешательством.

– Притворяется! – вынесли вердикт врачи, после исследования.

С этого времени, приговоренная, как будто бы, успокоилась. Но совсем перестала говорить. Поникнув головой, ко всему безучастная, она молча дожидалась своей участи. Ожидала палача и гильотину!..

Каждый вечер жители думали, что вот-вот будет назначена казнь и, наконец, приступят к исполнению приговора.

Любопытные целые часы проводили на вокзале железной дороги, чтобы не упустить прибытия гильотины, а когда они возвращались домой, к ним приставали в вопросах. Исполнение приговора должно было осуществиться в ту самую ночь, как приедет палач.

Однажды вечером, на поезде из Парижа, на железнодорожный вокзал прибыли какие-то три незнакомца. Они высадились на дебаркадере. Сопровождавший их багаж, зловещего вида, был вынесен на платформу.

Новоприбывшие, сперва, отправились в здание суда. Но пробыли там всего несколько минут. После чего, они отправились, слегка перекусить в гостиницу. И остались там.

Суд распорядился отправить какие-то предписания в жандармское управление, оповестил и коменданта, комиссара полиции.

Было десятое декабря. На дворе стояла холодная погода. Падая снег, покрывая крыши и засыпая улицы.

Ужасная весть разнеслась по городу:

– Приговор будет приведен в исполнение сегодня в ночь!..

Глава VII

Слух, в момент облетевший город, был правдой.

Действительно, казнь должна была быть совершена ранним утром, до солнечного восхода.

Известили Маделора. Он только что вернулся с какого-то съезда. Возведя глаза к небу, он прошептал:

– Да поможет Бог этой женщине.

Войдя к себе в спальню, он лег в постель. Но сон не приходил. Ночная лампочка, поставленная на край камина, освещала предметы, находившиеся в комнате, каким-то матовым и тусклым светом. Временам, без всякой видимой причины, пламя лампочки начинало вдруг колыхаться, тогда тени отбрасываемые от вещей на ковер, сходясь и расходясь, принимая самые фантастические очертания.

Каждый час и каждые полчаса маятник самым монотонным образом отбивал размеренные удары. Перед тем, как бить, внутри их механизма начинала скрипеть пружина боевого молоточка...

Пробило полночь!

Снег все еще падал. Отдельные его хлопья садились на ветви дикого винограда, который расплзался по стене дома, вплоть до окна, и загоразживал его собой.

Теперь в окно глядели одни голые сучья.

Снег цеплялся даже на стекла. Мороз разрисовывал их прихотливыми рисунками. Маделору не спалось.

Неподвижная тишина ночи давила на него. Это была какая-то мертвая, гробовая тишина. Ему было душно. Кровь то и дело прилиwała к голове.

Маделор встал с постели, раскрыл окно и большими глотками начал вбирать в себя холодный воздух.

В раскрытое окно падал снег. Его холодные хлопья, словно ледяные слезы, задевали собой щеки и лоб доктора.

Поднялся ветер. Внезапный порыв вихря забросил охапку снега в комнату. Снежинки закружились, завертелись, как рой испуганных бабочек.

Несколько хлопьев снега, случайно, опустились на ночную лампу. Огонь зашипел и потух.

Облака неслись по небу, гонимые северным ветром. Снег начал мало-помалу переставать. На иссиня-чёрном небе тут и там заблестели звезды. Выглянул месяц, и его бледный луч осветил побелевший сад.

Доктор закрыл окно. Ему стало холодно. Он подбросил несколько сучьев на уголья, которые уже тлели. Запылало пламя.

Маделор начал шагать по комнате взад и вперед, напрасно стараясь успокоиться.

Время от времени, он подходил к окну и останавливался, как бы к чему прислушиваясь. В безмолвии утомившегося города он хотел подметить, хотя бы какой либо признак жизни. Он с таким нетерпением дожидался наступления рассвета.

Ум его находился в таком возбужденном состоянии, что тишина ночи ужасала и пугала бедного доктора.

Он зажег свечи и сел за стол. На столе лежали брошюры, журналы и научные «обозрения». Маделор взял последний номер «Судебно-медицинской хроники», развернул его, машинально разрезал несколько страниц и вдруг... приостановился, как бы чем-то пораженный. Его внимание привлекло заглавие следующей статьи.

Несчастный стал читать статью сначала с большим интересом. Потом – с какой-то беспокойной жадностью. Наконец, он читал уже статью под давлением какого-то невообразимого ужаса.

Лицо его покрылось смертной бледностью. Глаза его, расширились с каким-то диким выражением, пожирали строчки. Удивительная вещь!

Дело Гартье имело поразительное сходство с делом собственника фермы Глориэт.

Столяр из Сен-Жерменского предместья, некий Гартье, умер внезапной смертью.

На протяжении его, невероятно кратковременной болезни были замечены такие симптомы, которые дали повод для подозрений. Предполагали отравление. Освидетельствование трупа не устранило сомнений. Возникла необходимость в химической экспертизе. Приглашенный, с этой целью, врач констатировал присутствие мышьяка во внутренностях трупа. Но компетентность экспертизы была оспорена, защита потребовала назначить повторную экспертизу. Для повторного анализа, назначен был доктор Тардьё.

Показание знаменитого медика, составленное очень подробно, утверждало, что во внутренностях трупа Гартье не было и следа ни мышьяка, ни какого-либо другого яда.

Доктор Тардьё, пространно излагал детали своего анализа, осуществленного по методу Марша, объяснил, в чем состояла ошибка первой экспертизы, указав, при этом, между прочим, и на то, какие печальные последствия могла бы иметь оплошность врача в подобном случае.

Маделор встал со своего места и беспокойно несколько раз прошелся по комнате.

– Боже мой, да, ведь, это же галлюцинация! – сказал он.

Он сделал себе холодный компресс и положил его на лоб, глаза и виски.

После того, он снова сел и вторично принялся за чтение. Ясное дело – на этот раз не могло уже быть ошибки. К Маделору успело вернуться его обычное самообладание.

Но, ведь, это было ужасно! Судебно-медицинское исследование, в котором эксперт, замещенный, впоследствии, доктором Тардьё, сделал такую ужасную ошибку, которую была аналогом с его собственной экспертизы!

Теперь, как будто завеса упала с его глаз. Сомнениям не было места. Мышьяк, который он отыскал во внутренностях Комбределя, не имел никакого отношения к трупам покойного. Все произошло от того, что Маделор пользовался для своего анализа данными, смысл которых был затемнен сторонними данными.

Если это так, то Анна Комбредель, следовательно, невинна. А, между тем, она должна умереть от руки палача, под ножом гильотины! Следовательно, этот приговор не более, чем убийство. И убийца – он, Маделор!

Он бросился в свой кабинет и пробежал остальные тезисы своей экспертизы. Его била лихорадка. На лбу выступила испарина. Маделор походил на безумного.

Он испускал потрясавшие душу крики:

– Боже мой! Боже мой! О, Боже!

С дикими воплями, он сбежал по лестнице, бросился в сад и начал метаться из стороны в сторону, как сумасшедший. Маделор спотыкался и падал в снег, но тут же поднимался на ноги. Потом, опять принимался бегать, подавленный несказанным ужасом, ничего не видя от страха, тщетно пытаясь отыскать решетку, калитку, выход!

Он бегал от одной аллеи к другой и не мог найти дорогу. Добежав до середины аллеи, он вдруг разворачивался и бросался в противоположную сторону. Разве мог он отдать отчет в том, что делает!

Он беспрестанно повторял, задыхаясь от волнения:

– Боже мой, Боже мой! Невинна, она невинна!

На церковной колокольне пробило пять часов.

Удары башенных часов, которые заглушал тяжелый слой снега, прозвучали в холодном воздухе, как сдавленные рыдания. Словно тишину ночи нарушала будто какая-то жалоба, как будто какой-то плач.

– Успею ли я? Доберусь вовремя?

Его ноги тонули в снегу, скользили по льду. Он спотыкался, задевая за корни деревьев. Наконец, очутился перед калиткой и с силой толкнул ее. Таким образом, он достиг Шато.

При выходе из городского предместья, он попал не на ту улицу. Поневоле, ему пришлось вернуться назад.

Маделор ничего не видел перед собой. Снег ослеплял его, колени дрожали, он шатался, как пьяный. Время от времени, он протягивал вперед руки, делая какие-то знаки и издавая вопли.

Площадь, где должна была совершаться казнь, находилась на другом конце города. Это место окружали деревья.

Доктор бежал все вперед и вперед, выкрикивая:

– Сжальтесь надо мной, сжальтесь!

Ночь была светлая. В городе было, по-прежнему, очень тихо. На колокольне пробило четверть часа.

Мимо Маделора проносились пешеходы. Из домов на улицу выходили те, которые опоздали. Они пускались вдоль улицы.

Маделор слышал, как они говорили:

– Наверняка, все уже закончится, когда мы доберемся! Торопитесь!

Его оставляли последние силы. Вдруг он очутился на мостовой и свалился. Его мозг помутился, а грудь потряс крик ярости.

Шедшие мимо него люди оглянулись на него и громко рассмеялись. Доктора Маделора никто не узнавал. Маделор опять пустился в путь.

На одну минуту, он остановился, насилу переводя дыхание. Его мучила жажда. Он взял в горсть снега и жадно припал к нему губами.

Он боялся, как бы не ошибиться и на этот раз дорогой, осмотрелся кругом.

Нет, слава Богу, он шел той самой дорогой, какой и следовало идти. Доктор приближался к цели своего путешествия. Там, впереди, обрисовался темнеющий силуэт полуразрушенных домов, а за ними виднелись смутные абрисы деревьев.

Людей, которые бежали значительно быстрее его, он уже не видел перед собой. Он был один. Теперь, до его слуха доносился какой-то отдаленный шум и неясный голос: точно гул от деревьев в лесу, по которому пронесся внезапный порыв ветра. Это гудела толпа, в некотором отдалении.

Маделору оставалось совсем чуть-чуть. Еще несколько торопливых шагов, и он будет на площади.

Шум, долетавший до его слуха, становился все явственнее и явственнее. Можно было без труда различить отдельные крики и оклики.

Маделор обогнул угол тюремного здания и – очутился на площади!

Гул, висевший в воздухе, над толпой, вдруг затих. Наступило глубокое молчание. В этом молчании было что-то зловещее и ужасное...

Мужчины, женщины стояли спиной к Маделору. Взоры всех устремлены были в одну сторону площади – именно, в ту сторону, которая прилегала к тюрьме.

Доктор, с каким-то яростным озлоблением, бросился в самую середину толпы, сплошной массой обступавшей место зрелища. Он расталкивал народ, не отдавая себе отчета в своих действиях.

Вокруг него раздалось несколько сдержанных голосов; эти голоса говорили:

– Доктор Маделор!

– Смотрите, он сошел с ума!

– Он обезумел!

Впереди, доктор Маделор разглядел небольшое пустое пространство... нечто вроде аллеи, примыкающей к тюремному зданию... По обеим сторонам этой аллеи выстроились в шеренгу жандармы и солдаты... В конце этого пустого пространства возвышалась гильотина! Один вид ее внушал отвращение!

Маделор чувствовал себя, как во сне.

Вот появилось несколько человек. Палач! Его помощники!

А потом, вслед за ними – небольшого роста, нервная женщина, с гладко обстриженными волосами, со связанными на спине руками. Боже мой, как она бледна – эта женщина!

ДЕЛО ГАРТЬЕ.

Судебно-медицинское исследование.

Случай предполагаемого отравления мышьяком.

Ошибка экспертизы.

Глава VIII

Прежде чем продолжать наше повествование, мы должны объяснить вкратце нашим читателям, какое странное сцепление улик, и какая ужасная фатальность привели госпожу Комбрель на подмостки эшафота. Вот в чем дело.

Анна Комбрель была ребенком, брошенным на произвол судьбы. Лет тридцать тому назад, в один прекрасный вечер, в Париже, некий негоциант из улицы Мэль, господин Батёр, представитель торгового дома: Евгений Батёр и К^о, производившего торговлю позументным

товаром, в куче пришедшей к нему корреспонденции наткнулся на следующее странное письмо, адресованное на имя его жены:

Получив это письмо и прочитав его, господин Батёр остановился в нерешимости.

Он готов был уже сжечь послание. Но в нем заговорила совесть.

– Пусть жена сама решит этот вопрос! – подумал он про себя. И отнес письмо Селине.

Госпожа Батёр была женщина лет тридцати – с пухлой, кругленькой, розовой фигуркой! У нее были голубые глаза, весьма приветливые и нежные. Вся она, целиком, была олицетворением беспечности и лени.

– Это ужасно! – прошептала она, после прочтения письма и разволновалась.

– Нет, нет, это невозможно оставить ребенка в таком положении!

Она послала одного из своих приказчиков за экипажем. Надела шляпку, набросила шаль на плечи.

– Смотри, ты берешь на себя весьма тяжелую ответственность, – счел нужным добавить господин Батёр.

– Может быть, тебе хотелось бы, чтобы я осталась? – спросила Селина, с оттенком легкой иронии.

Батёр пожал плечами и вошел в магазин в таком настроении духа.

Подъехал экипаж и остановился перед дверью дома Батёров. Селина села в карету.

– Улица Маркадэ, №117! – крикнула она кучеру и экипаж тронулся.

Из магазина вышел господин Батёр и закричал вслед уезжавшей жене:

– Смотри, Селина! Пожалуйста, побольше благоразумия!

Через двадцать минут, молодая женщина приехала. Госпожа Батёр вышла из экипажа, толкнула дверь, в которой было прорезано отверстие.

В глубине тёмного и сырого коридора раздался громкий звонок. На стене, которая была грязной и влажной, стояла, вместе с нарисованной здесь указывающей рукой, надпись следующего содержания:

В доме находились «меблированные комнаты».

Над лестницей смутно вырисовывалось круглое окошко, через которое еле-еле проходил дневной свет. Дело в том, что окно выходило на очень узкий двор, похожий скорее на темный колодец.

Поднявшись на площадку первого этажа, госпожа Батёр наткнулась на толстую женщину, лет около пятидесяти. Это была хозяйка «меблированных комнат».

Она спросила:

– Что вам угодно?

– Мне нужно бы было видеть госпожу Антонию.

– Пятый этаж, комната №47.

Госпожа Батёр поднялась наверх, прошла каким-то очень тёмным коридором и остановилась перед дверью №47.

Она потихоньку два раза постучалась. И услышала ответ:

– Войдите!

«Дорогая моя Селина!

Помнишь ли ты еще свою маленькую кузину – Антонию?

Было время, ты ее так сильно любила, не смотря на разницу лет, нас разделявшую. Вспомни пансион, в котором учились. Эта я – Антония!

Скажу тебе, что я нахожусь в затруднительном положении... Или лучше – зачем, в самом деле, стесняться – в крайней нищете и бедности.

Ты вышла замуж, живешь, как прилично жить честной женщине, тебя все уважают, относятся к тебе с должным почтением! Ты не способна ни на что дурное, уверена в том, что муж твой тебя любит – одним словом, ты счастлива!

Поймешь ли ты, что я сейчас скажу тебе? Как бы мне не перепугать, не смутить тебя? Выслушай меня!

Я оставила свое семейство, три года тому назад. С тех пор я пошла дорогой ошибок и заблуждений, и чем дальше я шла, тем все ниже и ниже спускалась. До меня дошли, впоследствии, слухи, что мой отец и мать сошли в могилу, отчаявшись увидеть мое возвращение на прямую дорогу. Но ни одно слово проклятия не сорвалось с их губ. Умирая, они простили мне мое поведение.

У меня к тебе просьба. Вот в чем она заключается.

Я вышла замуж в прошлом году. Фамилия моего мужа Лебордье. Он умер, три месяца тому назад, от раны, нанесенной ему ножом во время драки. Я готовилась в то время стать матерью...

Теперь у меня только что родилась дочь.

В настоящее время, я нахожусь во власти человека, от которого всего можно ждать. Он называется Пиэкер. Если я оставлю новорожденную девочку у себя, она, наверное, умрет и от нищеты, и от дурного обращения с ней.

У тебя нет детей! Ведь, правда, что у тебя нет детей? Хочешь, я отдам тебе свою девочку? Хочешь ли ты этого? Отвечай мне, Селина! Подумай и решишь! Прошу тебя – поторопись со своим решением! Мне очень хотелось бы, чтобы моя дочь попала к тебе в руки.

Я живу на улице Маркадэ, дом №117.

Мне нельзя встать с постели. Жду тебя.

Антония».

«Контора гостиницы размещается в первом этаже».

Глава IX

Комната, куда вошла госпожа Батёр, выглядела невзрачно. Голые стены, плохенький комод, несколько стульев, маленький столик, колыбелька, в которой кричал новорожденный ребенок – вот и вся обстановка номера.

Колыбелька, с плачущим ребенком, стояла рядом с альковым. Из его ниши донеслись слова:

– Войди, Селина! Неужели ты меня боишься? Если ты никак не можешь осмотреться здесь – в темноте, подними занавески. И скажи мне, который час?

Госпожа Батёр подошла к кровати, на которой лежала Антония. Она колебалась, у нее внутри шла борьба. С одной стороны, как женщина, она не могла преодолеть в себе сочувствия и жалости к своей больной подруге, с другой – она не могла смотреть без отвращения на ту обстановку, которая свидетельствовала об ужасной нищете и позоре, с которыми успела свыкнуться несчастная женщина.

– Боже мой, какие мокрые и сырые стены!

В постели госпожа Батёр разглядела фигуру молодой женщины.

– Подойди ко мне, Селина! – сказала она, с какою-то странной беспечностью.

– Боже мой, бедная моя Антония, какое страшное положение!

– Ты хочешь, верно, сказать, что я немного изменилась, не так ли? Да, точно – пришлось многое вынести за эту неделю. Но, все кончено, кончено! На будущей неделе – его уже не будет здесь!

– Ты, следовательно, решила расстаться со своим ребенком?

– Да, да – возьми мою девочку.

– Но, ты хорошо понимаешь, на что ты идешь. Ведь, это преступление! Наконец, это, просто, нечестно!

– Так надо!.. Меня вынуждают, заставляют поступить таким образом... Я уже тебе говорила об этом! – сказала Антония, с какой-то резкостью в голосе.

– Бедная Антония!

Госпожа Батёр устремила пристальный взгляд на больную. На глаза навернулись слезы, у нее не хватило духа, чтобы сказать ей еще что-нибудь.

Антония повернулась в постели, подложив руки под голову.

«Неужели она не отдавала себе отчета в своем поведении? Неужели она не понимала различия между тем, что хорошо и что дурно?»

Селина взяла ребенка к себе на руки.

Это была такая прелестная девочка, розовенькая, пухленькая, с белокурыми волосами. Она громко кричала, заявляя, верно, о том, что ей хочется, очень хочется есть и жить!

Селина поцеловала ребенка в лоб.

Девочку, как будто бы, удивила подобная необычная ласка. Она замолкла.

– Итак, следовательно, ты желаешь, чтобы я взяла твою девочку.

– Да, да, Селина!

– Подумай!

– Говорю тебе, Селина, да! Прощай!

– В таком случае, обещай мне, по крайней мере, хоть то, что ты никогда не возьмешь у меня обратно своего ребенка?

Мать сделала было попытку расхохотаться, но горло ее сдавили судороги.

Потом она сказала:

– Можешь спать спокойно! Ты никогда ничего обо мне не услышишь!

– Желаешь поцеловать ребенка?

– Да.

Госпожа Батёр протянула к ней девочку.

Взяв свою дочь на руки, Антония сделала порывистое движение, как будто не желая расстаться со своим ребенком и навеки удержать его в своих материнских объятиях. Она покрывала девочку поцелуями. Селина, взволнованная, следила за ней.

– Ты вовсе не такая испорченная и злая, какой хочешь казаться, – сказала она. – Зачем, скажи, расстаешься ты со своей девочкой?

Антония пожала плечами.

– Пиэкер не хочет, чтобы я ее оставила у себя. Он бы заколотил ее до смерти.

– Брось этого человека!

– Нет! Поступи я подобным образом, он, непременно бы, убил меня! И при том... при том, я... я люблю его!

Наступило продолжительное молчание.

Обе женщины не находили что сказать друг другу.

Антония в последний раз поцеловала свою девочку.

– До свидания, моя деточка! – сказала она сдавленным голосом.

Глава X

Когда госпожа Батёр вернулась в магазин, ее муж поспешно выбежал к ней навстречу, обеспокоенный ее долгим отсутствием.

– Посмотри-ка! – воскликнула молодая женщина. – Вот прелестная игрушка. Осторожнее! Осторожней!

Господин Батёр скорчил гримасу. Но Селина выглядела такой счастливой, волей-неволей пришлось господину Батёру замолчать.

Да и вообще-то он был врагом всякого рода скандалов. Неужели этот ребенок может послужить поводом к взаимному раздору. Никогда!

Да и при том: у Батёра не было детей. Он очень скоро привык к новому члену семейства. Его послало ему само Провидение.

Таким образом, Анна Комбрель вошла в дом Батёров. Это был первый дебют в ее жизни.

Антония держала свое слово. О ней ни слуху, ни духу не было. Только, на протяжении долгого времени, каждый год, 29 июля – в день рождения девочки, Селина получала письмо, в котором находилось несколько засушенных цветов. Но в послании не было ни одного слова.

Несмотря на свое падение, на свой позор, мать нет-нет вспоминала о своей дочери.

Потом, впоследствии, прекратились эти послания. Антония, как бы, совсем забыла свою покинутую девочку.

Что с ней случилось? Никто не знал...

Анна, между тем, росла и росла. Она стала взрослой девушкой.

Господин и госпожа Батёр продали свой магазин, а так как они оба были из Шато-ле-Шателе – решили вернуться обратно в родной город и жить там на проценты со своего капитала.

Со свойственной женщине деликатностью, госпожа Батёр ни разу не заикнулась своей приемной дочери о тайне ее рождения.

Анна иногда упоминала в своих молитвах имена отца и матери – ей было сказано, что родители ее давным-давно умерли – без того, чтобы воспоминание о них не пробуждало в ней скорбные чувства и не вызывало краски стыда на ее лице.

В семействе Батёров ей жилось хорошо. Супруги были к ней очень добры, окружили ее обстановкой, полного счастья!

Тут подросла любовь, со своими радужными грезами. Комбрель получил вдруг важное значение в ее жизни.

Начались робкие улыбки, немой разговор глазами – а у нее были такие большие, прекрасные голубые глаза! Тайные, застенчивые рукопожатия, под сурдинку от постороннего взгляда.

И ее сердце было, отдано!

Она была такая маленькая, такая нервная! Но лишь только она оказывалась рядом с избранником своего сердца, чувствовала себя уже не такую слабой. Девушка оперлась на его сильную руку, прислонила свою белокурую головку к его груди, в которой билось сердце, готовое на любую жертву ради нее. Она знала, что молодой фермер души в ней не чаял. Так Анна сделалась фермершей.

Этот благословенный союз, освещенный лучистым солнцем счастья, был на время омрачен смертью госпожи Батёр, вслед за которой, почти тотчас же, отошел к лучшей жизни и ее муж.

Оба, не имея прямых наследников, оставили дочери Антонии часть своего небольшого состояния.

Про Анну мало было сказать, что она любит своего мужа. Она, просто, его обожала.

То, что случилось потом, было ужасно...

Глава XI

Комбреля не было дома. Он отправился в Шато, где его ждали дела.

В его отсутствие, в Армуазе появился какой-то неизвестный человек, лет сорока, или даже пятидесяти. Он интересовался как добраться до фермы Глоризет и спрашивал госпожу Комбрель.

Хотя этот человек в прошлом, был очень красивым, и теперь сохранил остатки былой красоты, хотя в его фигуре проглядывало некоторое изящество, впечатление он создавал скорее отталкивающее.

Его чёрные, блестящие глаза внимательно бегали под прикрытием густых ресниц. В его взгляде выражалось что-то беспокойное и угрожающее, в одно и то же время.

Его лоб – узкий и выпуклый на висках, свидетельствовал о хитрости и злости. В этой хитрости было пронырливое лисичье, а в злости – жестокость и кровожадность волка.

Нос его был прямым и непропорционально большим. Он спускался почти до самых губ. А губы были бледны и едва выглядывали из-под редких усов.

Борода незнакомца, очень густая, чёрная, без единого седого волоса, была, однако, не настолько длинна, чтобы прикрыть длинную, худую шею, изборожденную мускулистыми узлами.

Незнакомец был высокого роста, и худощавый. Природа, как видно, поскупилась отпустить на его долю достаточное количество мяса и крови. Глядя на его руки и ноги, любой не задумываясь назвал бы его «долговязым».

Мускулы на его лице отличались чрезвычайной подвижностью. Мимика на его физиономии была, просто, поразительна.

Жозилье, выполнявший на ферме роль, управляющего хозяйственной частью, отправился также в Шато, в сопровождении господина Комбреля.

Странного посетителя привел к госпоже кто-то из слуг. Анна пригласила его присесть. Он сел.

В руках у него была палка. Он надел на набалдашник свою шляпу, сжал палку между ног и, затем, сказал резким голосом:

– Вы меня не знаете. Я – Пиэкер, второй муж Антонии!..

Молодая женщина промолчала, тогда незнакомец повторил свое заявление.

– Вы говорите Антонии! – сказала тогда госпожа Комбрель, словно очнувшись. – Антония... Мою мать звали Антонией.

С этими словами, Анна взглянула на человека, находившегося перед ней. По ее плечам пробежала какая-то инстинктивная оторопь.

Взгляд скользнул по человеку, всматриваться пристальнее в ужасного незнакомца уже не хватило духу...

Пиэкеру совершенно достаточно было одного взгляда, чтобы понять и сразу дать правильную оценку молодой женщине. Он сразу же догадался, что протест не в ее характере, она кроткая и робкая. Несколько угроз, и она сдастся!

После нескольких минут мучительного и тягостного молчания, на протяжении которых Анна Комбрель, с болезненной ясностью чувствовала, как кровь приливает к сердцу, она собралась, наконец, с духом, чтобы спросить у загадочного гостя:

– Кто вы такой?

Голос ее дрожал. Волнение было таким сильным, что она никак не могла преодолеть его.

– Сделайте одолжение, милостивый государь, объяснитесь!

– Я – Пиэкер, второй муж Антонии... Антонии, вашей матери... законный муж!

Анна поднялась со своего места.

Кровь ударила ей в лицо.

– С какой целью вы пришли сюда? – спросила она.

Он перебил ее:

– Что это вы вскочили? Пожалуйста, садитесь! Прошу вас, не бойтесь меня, дитя мое! Право же, на самом деле, я очень порядочный человек.

– Мои мать и отец давным-давно умерли!

Незнакомец усмехнулся зловещей улыбкой.

– Что касается до вашего отца, то вы совершенно правы. Ну, а насчет Антонии – то, вы ошибаетесь – уверяю вас, что она и не думала умирать. Может быть, вам нужны доказательства. Прекрасно! Сейчас будут и доказательства. Смотрите!

С этими словами, Пиэкер немного освободил свою руку из рукава и показал молодой женщине, еще до сих пор, большой кровавый рубец между локтем и кистью руки.

– Повздорили, видите ли! – сказал Пиэкер. – И повздорили – так себе, из пустяков. Она ударила меня по руке бутылкой с водкой... Бутылка разбилась. Я вцепился было ей в шею. Она начала хрипеть, задыхаться. Но я сдержался... и сдержался ради вас, мое дитятко!

Анна смотрела на своего гостя, обезумев от удивления.

– Да, да, – продолжал Пиэкер, – вы были тому причиной, что я ее не задушил. Потому что, конечно, это было бы для вас очень прискорбно. На меня находит иной раз чувствительность... В особенности, если я выпью... И вчера я был пьян... Пришло вот в голову желание вас увидеть – и конец! Что нужды, что вы ее дочь, а не моя собственная... да – что нужды... Пришла, вот, такая мысль в голову!

– Я удивляюсь, милостивый государь, – сказала Анна Комбрель, – почему только я вас слушаю...

И молодая женщина было бросилась к сонетке, но Пиэкер предупредительно схватил ее за руку.

– Тс... тише, тише, моя голубушка! – воскликнул он. – Мне нужно кое-что передать вам, и поверьте, что я коснусь этого вопроса, с большой деликатностью. Мне известно, что вашего мужа нет дома... Но если вы непременно желаете, чтобы я дождался его возвращения, и ему передал все необходимое – прекрасно... мне все равно... я согласен.

Анне, казалось, тяжело слушать таинственного гостя, она теряла сознание, насилу сидела она в своем кресле. Этот человек внушил ей непреодолимый ужас, но она невольно покорялась его влиянию.

Не вставая со своего места, Пиэкер пододвинул свой стул к ее креслу. Сделав это, он сказал:

– Полно ребячиться! Лучше послушай меня!

В этот момент на его бледном лице был ясно виден гнев, внутри Пиэкера клокотала ярость, поднималась желчь. Лицо его конвульсивно перекосилось, и на нем появились глубокие морщины. Жилы на руках вспухли и налились кровью. Они походили на туго натянутые канаты. Рот угловато скривился под его бородой. Мускулы на лице запрыгали. Не знающие границ, страсти волновали его низкую душу.

Глава XII

Наконец, он начал свое повествование.

Каждое слово, срывавшееся с его губ, напоминало своим звоном звуки стальной пружины, которую сначала натянут, а потом вдруг пустят.

Анна, неподвижная и словно привязанная к своему месту, сидела и слушала.

Она была очень напугана. Ее губы, от страха, были приоткрыты. А Пиэкер рассказывал.

Пиэкер говорил, кто он и что с ним стало... Видите ли, с ним круто обошлась судьба. Он долго распространялся о том, кем он был, и кем была прежде его старуха – Антония.

С цинизмом, в котором звучали, то насмешливые, то угрожающие ноты, нисколько не стесняясь, разворачивал перед бедной, униженной женщиной длинный фолиант, с изобра-

жением на нем позорных и бесчестных дел, которыми была наполнена их жизнь, их существование...

– Антония умерла! Скажите, пожалуйста! А, да – вот оно, в чем дело! Конечно, эта госпожа Батёр распустила этот нелепый слух! Подождите еще, старуха проживет до ста лет! Она переживет его, Пиэкера, это – несомненно. Переживет и схоронит. Поклясться можно, что коньяк, который она потягивает, будет ей только на пользу. Он добавляет ей кровь в жилы! Да, а что вы, в самом деле, думаете?..

Да и препотешная же она, эта Антония! Право, она была всегда славной женой, доброй и верной. О том, что такое гордость, она и понятия не имела. И судьба ее тоже! Сегодня деньги, а завтра – крайняя нищета. Привыкла жить настоящей минутой и не заглядывать в будущее. Благородна была всегда, но, зато, и сумасбродная! Есть у нее, о чем вспомнить в молодости. Да вот, к примеру, никаким трудом не брезговала, все было на руку. Да и то сказать: разве можно в Париже оставаться разборчивым при такой жизни. Будешь слишком разборчив, так и околеешь с голоду!

На протяжении всего этого времени, пять... ну, шесть приговоров за воровство или укрывание чужой собственности. Пять или шесть раз – не более того! Пустяки, в самом деле! Впрочем, она как-то раз была приговорена к ссылке на десять лет. Не совсем приятно! Притом, что она была невиновна!..

Он, в это время, устроился так, что его отправили в Пуасси. Зачем? Почему? Так себе!.. Не зачем, и не почему! Просто – фантазия! Фантазия артиста! Хотелось оставаться на воле, когда Антония сидела под замком.

В брак вступили они уже потом, после того как ее выпустили. Но и замужество не принесло им счастья. Открыли было прачечную, да дела шли очень плохо. Затеяли было перепродавать одежду – полиция обратила внимание на их лавочку. За Антонией стали смотреть в оба глаза.

Он, Пиэкер, между тем, ломал голову над изобретением различного рода безделок, которые старался продать, толкаясь по бульварам. Так вот они и жили!

Жили? Да разве это жизнь! Скорее, таким образом, они околевали с голоду. Все выжидали случая, как бы разбогатеть, но как назло, случай не представлялся.

Вот уже три года, как Антония и он подбирают выброшенное тряпье по улицам, таская за спиной корзины. Нет ремесла более унижительного. Но вот в чем дело! Приходит старость! Антония пьет. Он, Пиэкер – тоже. Да и то сказать, совершенства нет на земле. За вином все забывается.

Старуха моя ни за что на свете не хотела рассказывать мне, где находится ее ребенок. Ни за что на свете! Ни угрозы, ни побои – ничего не помогало. А между тем, я на этот счет не скупился.

И вот, в один прекрасный день, под влиянием выпитого вина, под влиянием голода, в минуту откровенности, она во всем призналась. И он, Пиэкер, пустился разыскивать Батёров.

Два дня спустя, он уже знал, что случилось с дочерью Антонии и Лебордые. По наведенным справкам оказалось, что она замужем, богата, счастлива... Но главное... главное, она богата!

После этого, перевернули все вверх дном, чтобы найти где-нибудь в доме деньги... Следовало обновить гардероб, нужны были деньги чтобы доехать из Парижа.

Денег они достали. И вот теперь они в Шато!

И как же они теперь рады оба, и Антония, и Пиэкер, что могут все рассказать доброй барыне – Анне Комбрель, которая, конечно, не придет им на помощь, в виду их бедственного положения...

Вот, что рассказал Пиэкер.

Глава XIII

Закончив свой рассказ, Пиэкер сразу же перешел прямо к делу.

– Вы, может быть, думаете, что весь рассказ – только выдумка! – сказал он. – Отнюдь нет. Мне решительно незачем врать. И при этом, перед кем? – Перед дочерью, хотя и не родной.

Анна слушала и молчала.

– Но, главное, – продолжал Пиэкер, – дело-то заключается в том, что правда, в этом случае сходится с моей личной выгодой...

Молодая женщина посмотрела на него вопросительно.

– Да, да, именно. Собственно, за этим я сюда и приехал. Я уверен, что добрая барыня непременно поможет мне и моей жене в несчастье, поможет нам выбраться из нашего ужасного положения, из нашей нищеты, в которой мы погрязли по уши.

Анна слушала и молчала.

– Конечно, деточка, вы не станете думать, что я вдруг могу опуститься до угроз... Угрозы бывают разные. Вот я, например, мог бы пригрозить вам тем, что сообщу всему Шато наши маленькие секреты, но это не в моем характере. Это недостойно. Я не принадлежу к числу тех людей, которые способны на подобную грязь и гадость.

На последних словах Пиэкер замаялся. Потом, после некоторого молчания, снова заговорил:

– Конечно, в том случае, если бы вы вздумали вдруг почему-либо мне отказать, я вынужден, в силу обстоятельств, спровоцирован, помимо моей собственной воли, прибегнуть к изобретению какого-либо действенного средства. Своя рубашка ближе к телу. У каждого человека есть свои собственные интересы, которыми он дорожит. Впрочем, зачем говорить о том, о чем не следует. Я твердо убежден, что никогда не буду вынужден пойти на крайние меры. Вот, кажется, и все, что я вам имел передать. Да – все!

Он выжидательно замолчал и пристально уставился на госпожу Комбрель. Она сидела не двигаясь в своем кресле. Тогда Пиэкер, как бы спохватившись, воскликнул:

– Ах, вот память! Самое главное-то и забыл.

И он ударил себя по лбу.

– Опасаясь, – начал он, – что вы, дитя мое, вдруг почему-либо мне не поверите, я на всякий случай захватил с собой метрическое свидетельство, в котором написано: «дочь Антонии, без определенных занятий, и Лебордьё». А еще, я не забыл взять с собой также бумагу, в которой засвидетельствована смерть вашего отца. И, наконец, для абсолютной достоверности, ради любви к правде, которая является моей слабой стороной, для того, чтобы доказать вам, дитя мое, что Батёры солгали, сказав, что ваша мать умерла, вот вам свидетельство о вступлении в наш брак. Видите – написано: Пиэкер и Антония. Знаете, я захватил с собой все, что было нужно. Все документы налицо. Так-то всегда поступать следует: все надо наперед предвидеть, не правда ли?

Тут Пиэкер замолчал.

Он достал из своего кармана измятые и засаленные бумаги и разложил документы перед Анной Комбрель.

– Вот доказательства! – сказал он.

И его грубый смех разлетелся по комнате.

– Читайте, нате!

Пиэкер захохотал вторично.

– Не дурно, не правда ли? Все налицо! Как видите, брак между нами, действительно, заключен... Я никогда не забуду этого восхитительного дня, никогда! Мы заключили наш союз, уже около пяти лет. Надо же было положить всему законный конец. В настоящую минуту,

если вам будет угодно увидеться с вашей матерью, то доложу вам, что старуха дожидается вас в Шато.

У Анны хватило силы до конца прочитать бумаги. Она не обращала внимания на то, что ее глаза застилают слезы. Она читала и читала.

Краска стыда залила ее лицо. В глазах зажегся недобрый огонь. Когда она закончила свое чтение и обратилась к своему посетителю:

– Чего же вы требуете от меня?

Пиэкер, при этом вопросе, поднялся со своего места. Он положил свою палку и шляпу на камин. Затем, заложил свои руки в карманы и сказал:

– Чего я от вас требую? Вот странный вопрос! Дело, ведь, в сущности-то, такое простое. Вы богаты. Вы не станете этого оспаривать, не так ли? Я уже наводил справки на этот счет. Комбредель, ваш муж, в вас, что называется, души не чает. Что касается лично вас, то я знаю, что у вас не Бог знает какие средства. Но что вам стоит попросить денег у Комбределя? Женщины, вы сами это знаете, такие уж создания, которые всегда смогут выманить у мужчины все, чего только захотят. Я сам знаю это по опыту. Антония меня во все посвящала.

Тут он замолчал. Казалось, углубился в какие-то размышления. Но потом, он как бы встрепенулся и сказал:

– Да, одним словом, вот в чем дело. Каждый год вы будете предоставлять нам средства для существования. Надо же мне как-нибудь сводить концы с концами. Я аккуратно, в определенный срок, сам буду появляться за назначенной помощью.

Анна сделала жест нетерпения и нетерпеливо передернула плечами.

– Да вы, пожалуйста, не беспокойтесь, – воскликнул Пиэкер. – Во всяком случае, я приму свои предосторожности, чтобы меня не заметил ваш муж... Вообще, доложу вам, я враг всяческих принуждений... люблю свободу... Вы определите сумму... Я вполне полагаюсь на доброту и щедрость вашего сердца.

Анна, вместо ответа, только кивнула головой.

– Вот видите! Я, следовательно, не ошибся! – усмехнулся непрощенный гость. – Вы славная, добрая барыня... Господь Бог воздаст вам за это сторицей... Но мы с вами еще не совсем покончили с нашими делами... Нам дольше невозможно оставаться в том крайне бедственном положении, в каком мы сейчас находимся... Да и притом, у нас, собственно говоря, ничего нет... во всем недостаток! Для того, чтобы помочь нам выбраться на прямую дорогу и помочь, как следует, вам надо будет нам предложить сразу единовременное пособие, небольшой капитал в три или четыре тысячи франков – не более того!

– Три или четыре тысячи франков!

– Да. Конечно, ведь, это немного, не так ли, госпожа? Но с нас этого будет вполне достаточно. Мы – народ рассудительный...

– Но у меня нет таких денег!

– Пустяки!

– Право же, нет!

– Найдете!

– Нет, нет, вы требуете от меня невозможного!

– Ничуть.

– Говорю вам, что невозможно... Придется сказать все мужу... Какой будет это удар для его сердца.

– Ну, это ваше дело. Сами думайте! С меня хватит тех денег, которые я захватил с собой, чтобы прожить здесь, в Шато, вместе с моею старухой.

Анна ломала руки. Пиэкер, казалось, не обращал на это никакого внимания.

– Я даю вам целый месяц срока. Этого, не правда ли, вполне достаточно для того, чтобы придумать какой-нибудь способ. Еще бы, в самом деле. Легко сказать – целый месяц! Но пре-

дупреждаю вас – берегитесь! Если вы пропустите сроки, в этом случае, я не замедлю явиться к вам вместе с Антонией! И, клянусь вам – это, впрочем, между нами, конечно – не дай Бог, если она выпьет в этот день больше обыкновенного – тогда ее посещение не станет приятной новостью ни для вас, госпожа, ни для вашего муженька – господина Комбределя... Буду честен, советую вам как можно скорее устранить эту неприятность...

– Но, ведь, это же невыносимо, невыносимо! – дважды повторила бедная женщина.

Пиэкер посмотрел на нее и пожал плечами. Затем, взял с камина палку и шляпу.

Анна не трогалась с места...

– Итак, до свидания, стало быть! До свидания, дитя мое! – произнес Пиэкер. – Все вопросы, как мне кажется, мы с вами обсудили...

Сказав это, он очень близко подошел к госпоже Комбредель.

– Неужели нельзя поцеловать мужа своей матери, перед его уходом? – спросил он у молодой женщины.

Анна попятилась назад. Сердце у нее упало.

– Вот как? – воскликнул Пиэкер.

Всем видом показывая, как ему неприятна эта сцена.

– Вы хотите сказать, – продолжал он, – что я вам противен. Еще бы! Мне уже не двадцать пять лет. Но в то доброе, старое времечко и мы тоже имели успехи. Нечего понапрасну Бога гневить! Бывало, на публичных балах какие штуки откальываешь! Брал, бывало, у женщин, с которыми танцуешь, их головные уборы и продавал их, чтобы заплатить четыре су за кадиль... И что бы вы думали... Ни одна, бывало, девочка не рассердится...

И он улыбнулся самодовольной улыбкой.

– Поцелуй, следовательно, за вами, барыня? Ну, что ж, подождем до следующего раза!

И он вышел из комнаты. При этом, как-то весь съезжился.

А у Анны в ушах, как громкое эхо отдавались звуки его шагов в тех комнатах, по которым он шел.

Глава XIV

После ухода Пиэкера, Анна погрузилась в невеселые размышления.

Тридцать лет прожила она, убежденная в безукоризненности своего отца и своей матери. Она думала, что она дочь честного человека и честной женщины. Сколько раз, бывало, она плакала, чувствуя в глубине души, что доброе расположение к ней Батёров не способно заменить собой материнской любви.

При воспоминании о том семействе, к которому она принадлежала, но о котором не имела ни малейшего понятия, ее сердцем овладевала какая-то непонятная грусть. Ее душа была переполнена нежными чувствами к неизвестным людям!

Имя Антонии, в силу какого-то неведомого внутреннего побуждения, она невольно упоминала с именем Пресвятой Девы в своих молитвах.

И что же вдруг оказывается! Это ужасно, ужасно!

В своем воображении она создала для себя какую-то особенную жизнь, жизнь, целиком сотканную из воспоминаний. В ее голове воскресали ее отец и мать. Иногда она настолько сильно увлекалась своими мечтами, что ей представлялось, что она видит своих родителей как бы наяву.

В ее грезах и отец, и мать были окружены таким поэтическим ореолом. Для воспевания своих покойных родителей она не поскупилась и потратила на это все свое воображение, которое в женщинах, как известно, обычно бывает как-то по особенному богатое.

Добрая Селина сказала ей, что ее родители погибли в молодые годы, стали жертвой одного несчастного случая! И она поверила этому!

Мать?

Она представляла себе блондинку, как она сама. Ей казалось, ее мать немного нервничает, немного грустит и имеет болезненный вид. Какое милое, милое и кроткое лицо! А в глазах светится столько несказанной нежности! В таком виде рисовался в ее воображении образ матери.

А отец?

Отца – она видела, как наяву... Большая, выразительная голова... лоб, выражающий рассудительность и спокойствие... взгляд полный достоинства, как у Комбределя.

Жить среди подобных грез на протяжении многих лет, сжиться внутренне с этими двумя дорогими образами – и потом вдруг, совершенно неожиданно узнать невероятную правду – это было ужасно.

Так вот, следовательно, какова действительность: она – дочь родителей, запятнанных позором и преступлениями. Ее колыбель окружали парижская грязь и позор! По правде говоря, все это было ужасно!

Когда, вечером, Комбредель вернулся домой, он нашел жену в состоянии полнейшей беспомощности. Его поразила ее бледность и какой-то болезненный блеск в ее глазах.

– Боже мой, – сказал Комбредель, – никак ты больна?

Она покачала головой.

– Пожалуйста, не беспокойся. Представь себе...

Она хотела казаться, во что бы то ни стало, спокойной.

– Представь себе, я сегодня поутру сглупила. Я прошлась по росе, когда ты уехал. Мне хотелось еще раз взглянуть на тебя, пока ты не скрылся из глаз. И вот – я нажила себе мигрень.

– Моя добрая, моя славная!..

Анна, ушла к себе в комнату и всю ночь напролет провела в слезах, стискивая зубами подушки, чтобы заглушить душившие ее рыдания.

Какую горестную жизнь придется вести. Не будет и дня, когда бы, не пришлось ей краснеть от своего собственного позора. Когда она думала об этом, то приходила в крайнее отчаяние.

Ей даже пришла мысль, что хорошо было бы умереть, так или иначе укрыться от позора, всякого рода несчастий и тех жестоких вымогательств, которыми – как она предвидела – станет шантажировать ее Пиэкер.

Смерть улыбалась ей. Она представлялась ее расстроенному воображению, как какое-то счастье! Она тянула ее в свои ледяные объятия с непонятной силой.

Были минуты, когда Анна совсем уже готова была поддаться искушению. Она знала о том месте, где ее муж прятал мышьяк, предназначенный для истребления мышей и крыс, наносивших ферме вред.

Однажды Анна взяла пакет с ядом, принесла его к себе в комнату и спрятала. Ее колебание и нерешительность продолжались весьма долго. Смерть искушала ее.

Потом, она одумалась. Вспомнила о ребенке, маленьком Жероме. Решаясь на смерть, на кого она его оставляет. Ей вспомнился ее муж. Какую пользу принесет она своей смертью? Разве Пиэкер задумается над чем-нибудь? Разве оставит в покое ее мужа? Все равно, он сообщит ее мужу ужасную и позорную тайну.

Мысль об этих двух дорогих для нее существах заставила сильно призадуматься несчастную женщину. Она осознала, что была готова решиться на безумие. Умереть насильственной смертью, не пожалев ни ребенка, ни мужа – это значило бы сделать подлость.

Это заставило ее ужаснуться. Нет – она продолжит жить! Ей необходимо жить, если она только хочет, чтобы отвратительная тайна оставалась никому неизвестной.

Может быть, она не вынесет тяжести поставленной задачи и сдастся. Все ее усилия пропадут даром. Что за нужда?

По крайней мере, ее совесть будет спокойна. Она будет знать, что боролась. Ее ли вина, что победа в этой борьбе выпала не на ее долю.

Анна начала размышлять теперь о дальнейших действиях. Прежде всего, она будет давать деньги. Если потребуется, будет благотворительствовать.

Может быть, таким образом, и удастся ей удержать на приличном расстоянии это покрытое стыдом и позором, это новое семейство от мужа. Если узнает этот последний о существовании Пиэкера и Антонии, то, конечно, это известие убьет его. Ведь, судьба этого семейства так тесно связана с ее собственной судьбой. Прошло этой семьи – и ее прошлое!

Да, она поступит именно так, как ей подсказывают долг и совесть. А еще, ей хочется увидеть свою мать.

Как бы там ни было, а Антония, все-таки, была мать ей! Не может же она быть испорчена до такой степени, чтобы ее не могли тронуть слезы и просьбы родной дочери!

И так, она решилась увидеться со своею матерью. Чем скорее, тем лучше!

Вопрос был в том, что у нее не было денег, которые требовал Пиэкер.

Как быть, чтобы раздобыть нужную сумму?

Обычно скромная в своих желаниях, она никогда не тратила на себя много денег.

Если вдруг сменить образ жизни, начать наряжаться, просить у мужа денег на то, и на это? Какие подозрения зародятся, в этом случае, в голове мужа?

Следовало об этом внимательно подумать. Между тем, сложившаяся ситуация настоятельно требовала немедленного решения...

С этого момента, в ее жизни начинается сплошная полоса лжи и обмана.

Анна задыхалась в этой, несвойственной ей, обстановке. И, тем не менее, все глубже и глубже погружалась в тину систематической и умышленной скрытости.

Она изобретала разного рода поводы для трат и потребности. Создавала себе тысячи мелких и крупных желаний.

В ней даже обнаружилось вдруг, – ни с того, ни с сего – страсть к кокетству!

Сегодня ей нужно одно! Завтра – другое! Ей приходилось пускаться на всякого рода хитрости.

Поступая, таким образом, – она экономила на каждом франке, на каждом су! Анна, воистину, была настоящей мученицей!

Поневоле, ей приходилось эксплуатировать любовь Комбрелю. И это было тем для нее самым тяжелым, потому что она заранее знала, что все ее желания, каких бы денег они ни стоили, непременно будут исполнены, без нареканий, без тени недовольства, без косого взгляда. У фермера, влюбленного в свою жену, язык не повернулся бы на то, чтобы в чем-либо упрекнуть любимую Анну!

Бедная женщина плакала кровавыми слезами и, в то же время, должна была делать вид, что улыбается и веселится. Все нужно было превращать в деньги.

У нее было уже накоплено немного денег, когда-то взятых у мужа на туалеты, но раньше она отличалась бережливостью. Муж, положительно, должен был долго и много настаивать, чтобы она решилась на какую-либо покупку. Если она уступала, то только затем, чтобы сделать удовольствие Комбрелю.

Батёры тоже оставили ей кое-что в наследство. Эта сумма находилась в ее распоряжении. Комбрель наотрез отказался пустить в оборот эти деньги, заявив, что не станет их трогать. На том и порешили. Наследство, полученное от Батёров, предназначалось для Жерома. Он должен был получить эти деньги, по достижении им совершеннолетия. Деньги эти лежали у Анны, и Комбрель никогда не вспоминал об этом. Теперь это наследство должно было пойти на удовлетворение Пиэкера.

Свои драгоценности, которые Анна никогда не использовала, она продала. Некоторые из вещей принадлежали еще Селине. Вырученные деньги опять-таки должны были достаться Пиэкеру.

Каждый раз, как Комбрель отправлялся в Шато, Анна пользуясь отсутствием для того, чтобы произвести тщательный осмотр всех комнат на ферме. Несчастная полагала, что может вдруг наткнуться на что-то неожиданное, в виде нового источника для потворствования ее желаниям.

Она думала только об одном, как бы не возбудить подозрений со стороны мужа. Жизнь Анны Комбрель превратилась в одну сплошную цепь невыносимых беспокойств, притворств и хитростей.

Пиэкер внушал ей неистребимый ужас. Вся ее жизнь разом перевернулась вверх дном.

Под влиянием этого страха, который она питала к Пиэкеру, Анна Комбрель шла все вперед и вперед, не оглядываясь на пройденный путь. Точно над ней тяготела какая-то таинственная сила, руководившая ее поведением.

Молодая женщина была уничтожена, убита. У нее было отмечено все, что она передавала Пиэкеру. Перечень вспомоществований записан был в последовательном порядке. Так было лучше видно!

Все это пошло на удовлетворение требований Пиэкера. А Анна продолжала искать, что бы еще продать и превратить в деньги.

И когда у нее уже ничего больше не было на продажу, когда она больше не могла ничего найти, она принялась считать то, что у нее скопилось.

Едва-едва набралось около двух тысяч франков!..

Деньги.
Сбережения.
Кольца.
Браслеты.
Серьги.
Часы.

Глава XV

Анна Комбрель нашла предлог отправиться в Шато-ле-Шателе, хотя месяц до назначенного срока еще не закончился.

Пиэкер и Антония, конечно, ожидали ее. Они были уверены, что она придет. Наверное, знали, что она находится не в том положении, чтобы хитрить или колебаться. Но им и в голову не приходило, что их расчет мог оказаться неверным.

Анна должна была предоставить деньги. Они рассчитывали нажить. Бедная женщина будет на все соглашаться из страха перед скандалом, способным запятнать ее честь, честь Комбреля и, наконец, честь ее сына.

Она собрала все накопления и отправилась к своим шантажистам.

В каком-то положении она найдет свою мать, образ которой в таких ярких и светлых красках прескал в ее воображении на протяжении жизни, когда она была маленькой девочкой, потом взрослой девушкой, замужней женщиной?

Какие чувства волновали теперь ее душу?

Но в своем сердце она больше не находила и тени нежности, к той, которая некогда составляла предмет ее самых заветных мечтаний. Ее душу переполнял теперь один только страх – ничего больше!

Анна благополучно прибыла в Шато. Она вышла из кареты у гостиницы Золотого Льва. Отсюда, она отправилась уже пешком. Боже мой, как она была бледна!

Но никто не должен был заметить ее бледности. С этой целью, Анна закрыла свое лицо густой вуалью. Таким образом, молодая женщина добрела до гостиницы Сокола. В этом месте Пиэкер ей назначил свидание.

К счастью, ее совсем не знали в Шато. Собственник той гостиницы, куда она пришла, несколько времени тому, продал свое заведение кому-то не из местных жителей, а персонал служащих сменился.

Она осведомилась у какого-то мальчишки, здесь ли можно найти господина Пиэкера?

Мальчишка разразился на ее вопрос глупейшим смехом. Бедная женщина даже покраснела под своей вуалью, а мальчишка продолжал хохотать.

– Так вот в чем дело! – проговорил он, наконец, вперемежку с дурацким смехом. – Вы хотите увидеть этих людей? Будто вы с ними знакомы? Препотешная семейка. Идите вон в том направлении.

Анна стала подниматься по лестнице, которая вела в «меблированные комнаты». На полдороге она остановилась. Чтобы не упасть, она была вынуждена схватиться за перилла лестницы. Она чувствовала, что ее оставляют последние силы. Голова у нее кружилась, а глаза застилала какая-то надоедливая дымка.

– Боже мой, – прошептала она, – хватит ли у меня сил и смелости довести дело до конца!

С лестницы спускались какие-то постояльцы. Мальчики – носильщики тащили за ними чемоданы и нехитрый скарб.

А Анне казалось, что все-то на нее смотрят, смотрят с каким-то ироничным любопытством.

Когда молодая женщина дошла до лестничной площадки, в коридоре, в который открывались двери из номеров, раздался чей-то хриплый голос:

– Люди добрые? Только послушайте, что происходит в №4-ом. И это, ведь, продолжается, с самого утра... Поют... Кричат... Дерутся... Нечего сказать.

– В 4-ом номере!

Это как раз была та самая комната, где остановились Пиэкер и Антония. Шум, доносившийся из номера, долетел также и до Анны.

И что это был за шум! В номере кричали, смеялись, говорили так, что ничего нельзя было разобрать... Вслед за этим гамом, вдруг наступила мгновенная тишина.

Молодая женщина постояла немного перед дверью. Она колебалась. Войти или нет?

Наконец, она собралась духом и сказала:

– Нечего медлить. Надо разом покончить все дела. Так будет лучше!

Она стукнула в дверь номера, но на ее стук никто не ответил.

Тогда она сама открыла дверь и ее глазам представилась следующая картина.

В невзрачном гостиничном номере находились два существа, чьи лица пылали возбужденным румянцем, который служил ясным укором пороку, именуемому пьянством. Взгляд обоих обитателей номера был дикий и бессмысленный. Оба одеты были крайне небрежно. Но что производило особенно тяжелое впечатление, так это отвисшие и распухшие губы сожителей.

Пиэкер стоял, облокотившись на спинку кровати. Он размахивал кулаком над головой женщины.

Женщина эта была большого роста, плотно сложенная. Черты лица были обрюзгшие. Она лежала на полу, прислонившись головой к креслу.

– А! Дочка! – закричал мужчина, который опомнился первым.

Он усмехнулся.

– Здравствуй, дитя мое!

Он протянул к ней руку.

– Вот то, что называют аккуратность... Не дурно, если бы так было и впредь. Точность, аккуратность – это мое слабое место!

И Пиэкер захохотал. Анна замерла на пороге комнаты. Ею снова овладел ужас.

Она уже сделала движение, чтобы вернуться. Но у нее не хватило сил, и она, униженная, уничтоженная, опустила на ближайший стул.

Ее большие, кроткие глаза, расширенные ужасом, устремлены были на Антонию.

Та тоже на нее смотрела, с каким-то тупым, растерянным видом, совсем пьяная, не понимающая, что вокруг нее происходит. Она даже не догадалась, подняться с пола.

Пиэкер сделал несколько шагов в ее сторону. Занес над ней кулак и крикнул, изрыгая проклятия:

– Что это ты! Не хочешь даже поздороваться со своей родной дочерью... Лежит себе. Поворачивайся поскорее. Ну же, ну, негодная! Туда же – мать!

После этого он повернулся к Анне:

– Да! Вот полюбуйте. И так, ведь, каждый божий день! Правда, не дурно?

Пиэкер пожал плечами.

– Каждый божий день! И стыда нет!

И, с этими словами, он сам покачнулся на своих долговязых ногах.

Казалось, что он вот-вот потеряет равновесие и полетит на пол.

– Да, вот она какая! Судите теперь сами, насколько моя несчастная жизнь должна быть приятна! Вот, поразмыслите об этом, дитя мое!

Анна невольно закрыла лицо руками. Слезы подступали к горлу.

Побуждаемая угрозами Пиэкера, Антония кое-как добралась до кресла и уселась там. Руки ее дрожали, отяжелевшая голова свесилась на грудь.

Она сделала было попытку что-то сказать, но, вместо слов, в комнате раздались какие-то нечленораздельные звуки.

Но затраченные на это усилия, все-таки, несколько отрезвили ее. По-крайней мере, видно было, что она жива и принадлежит к разряду более или менее разумных существ. Она тупо смотрела вперед своими покрасневшими и как бы остановившимися глазами.

Наконец, одной рукой она взялась за стакан, поддерживая его другой, поднесла ко рту и начала пить. Водка выплескивалась и текла тонкими струйками по ее платью.

– Это моя дочь? – спросила она.

– Да, старая, это, твоя дочь.

– А!..

Анна отняла руки от заплаканного лица. А слезы продолжали течь по ее щекам. Она взглянула на Антонию.

И это ее мать! Какой стыд, какой позор!

Антония с необычайным любопытством стала рассматривать гостью. Можно было подумать, что она хочет что-то вспомнить, воскресить в своей памяти. Но память отказывалась ей служить. В этой душе нельзя было пробудить никакого чувства, никакого переживания. Она была безнадежно истрепана суровой действительностью. И Антония улыбнулась идиотской улыбкой:

– Так это моя дочь, моя дочь! – бессмысленно повторяла она. Но это звучало так машинально.

Анна поборол в себе то отвращение, которое внушала ей пьяная женщина. У нее шевельнулось чувство глубокого сострадания. Что нужды, что сидевшая перед ней женщина отвратительная и страшная!

Не может же быть, чтобы в ней иссякло любое чувство. Нельзя ли будет как-нибудь отогреть это замерзшее сердце!

Анна потихоньку подошла к своей матери. Та не пошевелилась. Тогда она сказала, как можно нежнее:

– Вы – Антония, моя матушка? – спросила она дрожащим голосом.

Антония пошевелилась.

– Вы – моя мать? – повторила свой вопрос молодая женщина.

– Да, я та самая женщина, которая отдала вас ребенком Селине Батёр. Не правда ли, вы ни в чем не нуждались... Пиэкер, видите ли... о, Пиэкер непременно вас убил.

– А отец? Что вы мне скажете про отца?

Антония посмотрела на свою дочь с чрезвычайным удивлением. Видно, она не поняла вопроса. Потом, после нескольких минут молчания, пробормотала пьяным голосом:

– Кто – отец?

– Да!

– Лебордые!

Инстинктивно бедная женщина взглянула на Пиэкера. Тот сидел и молчал, не принимая никакого участия в последней сцене. Заметив, что на него смотрят, он пожал плечами.

– Что это вы спрашиваете? Подумали, верно, что я вас обманул? – сказал он с горячностью.

Анна не удостоила его ответом. Обратившись к матери, она сказала:

– Живущий с вами господин просил у меня денег... для вас и для себя... Так как вы терпите нужду, то это более, чем справедливо, что я должна прийти вам на помощь. Вот вам деньги... возьмите! Вот та сумма, которую он от меня... требовал!.. Но там нет даже и полных двух тысяч франков!

Пиэкер оживился...

– Что ж, вполне достаточно! – прокричал он. – Вполне достаточно! Право, я добрый... и очень снисходительный.

Она вынула золото и банковые билеты и положила их на стол. Антония быстрым движением протянула руку и схватила целую горсть золота.

Пиэкер бросился на старуху и сжал ей руку. Пьяная женщина закричала. Между мужем и женой, завязалась борьба, длившаяся несколько секунд.

Монеты падали на пол и катились в разные стороны. Между тем, Антония кричала все сильнее и сильнее от боли. Пиэкер злился и бранился.

– Это с каких таких пор я не могу распоряжаться своими деньгами! – кричал Пиэкер, сопровождая свои слова адским хохотом. – Деньги всегда находились в моих руках... Вот еще, посмотришь, новости... Ну-ка, руки прочь!

После этого, в комнате на некоторое время наступила тишина. Читатель может себе представить, какое впечатление произвела вся эта невероятная сцена на Анну.

Она долгое время никак не могла прийти в себя, и наконец, сказала:

– Я вам отдала все, что только смогла найти. – Я должна была лгать, обманывать, чтобы собрать эту сумму. Прошу вас – пожалейте меня и не заставляйте рассказать обо всем моему мужу. Будь я одна, я непременно взяла бы вас к себе. Но сейчас, я не в состоянии, не вправе это сделать. Обещайте мне, что вы не будете жестоки. Поверьте, что я совсем вас не презираю, несмотря на то, что вы некогда отказались от меня. Я буду всегда о вас заботиться... Ну, что же вы молчите... Поговорите со мной... скажите мне хоть одно слово ласки, сочувствия, любви... Ведь, я в первый раз вас вижу... Не правда ли, что вы пощадите моего мужа, моего сына! Я не хочу, ни за что не хочу верить, чтобы это в вашей голове зародилась мысль посвятить их в нашу тайну... Господин Пиэкер пригрозил мне, что если понадобится, то он не остановится ни перед чем... Вы совершили немало ошибок в вашей жизни, но я не думаю, чтобы вы захотите воспользоваться, в денежном отношении, заблуждениями вашей прежней жизни. Ответе-

чайте же, отвечайте мне, матушка. Вы успокоите меня своим ответом. Я уйду от вас менее подавленной... Я даже примирюсь с вами в глубине своего сердца.

Пиэкер молчал и слушал. Насмешливая улыбка кривила его губы. Наконец, он сказал:

– Да вы очень добрая, как посмотрю!

И при этом, рассмеялся своим ироничным смехом.

А Анна продолжала:

– Матушка, что же вы ничего не отвечаете! Скажите мне только одно слово... Скажите мне, что вы не хотите отравить мне жизнь... Сжальтесь надо мной... Ведь, я, как бы там ни было, а, все-таки, дочь ваша... Сжальтесь над моим ребенком.

В ее голосе слышались рыдания...

– Я думала, что вы умерли, и научила своего сына произносить ваше имя. Он шептал это имя своими невинными губками. Берегитесь, чтобы он не проклял вас, впоследствии.

Старуха не отвечала. Ее голова свесилась на грудь. Щеки пылали пьяным румянцем.

Анна хотела что-то еще сказать, но в это время к молодой женщине приблизился Пиэкер. Он дотронулся до ее плеча.

– Полно, дитя мое, – сказал он ей.

Она, в испуге, на него оглянулась.

– Перестаньте! – продолжил Пиэкер. – К чему эти напрасные и жалкие слова? Разве вы не видите, что старуха пьяна и спит?

И действительно, Антония спала. Анна, в отчаянии, стиснула руки. Последние остатки надежды ее оставили. Она опустила вуаль и вышла.

– До свидания! – крикнул ей вслед Пиэкер.

Глава XVI

Так закончилось свидание Анны с матерью.

После этого, несколько долгих месяцев кануло в вечность. О Пиэкере и Анне не было ни слуху, ни духу.

В душу Анны уже было готово вернуться прежнее спокойствие. Она долгое время относилась ко всему как-то безучастно, но затем можно было заметить поворот к лучшему. На ее бледном лице время от времени стала появляться улыбка.

Ужасная тайна и беспрестанные опасения так измучили бедную женщину, что она совсем исхудала, но через некоторое время, начала поправляться. Пиэкер и Антония не заявляли о себе.

И вдруг, в один прекрасный день, она получила письмо из Парижа, Пиэкер требовал денег, ссылаясь на новые потребности. Она не ответила на это письмо.

Пришло второе письмо. На этот раз, с угрозами. Теперь он уже не просил, а настоятельно требовал денег. Она отказала.

Тогда Пиэкер прибыл в Шато-ле-Шателе. Он известил Анну о своем намерении заявиться на ферму Глориэт и обо всем рассказать ее мужу.

Нужно было действовать. Анна заставила Пиэкера уехать из Шато.

Он был требователен и настойчив. Она уговорила его, дав ему немного денег. Попросила его подождать. Говорила, что сейчас у нее нет денег, но она будет искать требуемую сумму, а для этого нужно время.

Пришлось снова пустить в ход всю свою изобретательность. И она придумывала новые средства для обмана, не останавливаясь ни перед какой ложью.

Анна пускалась на разного рода хитрости. Она краснела от стыда, при этом. Никогда не быв лицемерной, она лицемерила теперь, хотя и оплакивала кровавыми слезами свое вынужденное поведение.

Так или иначе, требования Пиэкера удовлетворялись.

Но это обстоятельство дало только повод этому человеку быть еще требовательнее, еще настойчивее. Он, просто, осаждал Анну своими просьбами. А просьбы эти, на самом деле, были бесчисленны.

Анна жила точно в аду. Приданое, которое дали за ней старики Батёры, отходя в вечность, было брошено в эту бездонную пропасть беспечной и запятнанной позором жизни.

Комбредель как будто бы ничего не замечал. Немного спустя, были проданы леса, пашни, срублен и продан лес.

Анна вызвалась помогать своему мужу в управлении фермой, она и покупала, и продавала.

Иной раз, ей удавалось удачным образом покрыть дефицит в основных фондах неожиданно откуда-нибудь поступившей прибылью.

Жена фермера рисковала, и часто пускалась на авось. Удача манила и все больше тянула ее. Она все больше и больше теряла дорогу в том лабиринте, где кроме умышленной скрытости, лжи и обмана ничего не было.

Бедная женщина мучилась и терзалась. И часто эти внутренние муки были настолько серьезны и невыносимы, что заканчивались для нее болезнью.

Задавленная тяжестью непосильного нравственного бремени, она бывало целые недели проводила в постели.

А ее муж, добряк и балагур, был слеп и не замечал в поведении жены ничего подозрительного. Он питал непоколебимую веру в женщину, которую боготворил. Но когда она, сложенная нервным припадком, слегла в постель, он не находил себе места от беспокойства.

Тогда, она переламявала себя и брала верх над тем, что казалось ей не более, как малодушием. Она гнала прочь от себя овладевшую ей слабость воли, и, в то время, пока в ее душе копилось мучительное чувство крайнего отчаяния, обычно имела мужество заставить себя улыбаться.

В деревне знали о ее расходах. Она не могла этого скрыть от посторонних глаз. Ее порицали и презирали за то, что она сорит деньгами и жалели Комбределя.

Так продолжалось три года! Это было ужасно, невыносимо!

Надо было иметь недюжинный характер, чтобы на протяжении столь долгого срока выносить все эти нравственные страдания, этот позор, упреки совести, постоянную тревогу и вечные опасения!

Эти три года – эти три года тянулись бесконечно, как вечность.

Анна не имела ни одной спокойной минуты. Ежечасно, ежесекундно, и днем, и ночью, постоянно перед ее умственным взором стоял, угрожающим призраком, этот ужасный Пиэкер и ее... мать – Антония!.. О, это было ужасно!

В продолжение целых трех лет одна только исключительная мысль преследовала ее, где бы она ни была, и жгла ей мозг. Мысль была одна: позор ее матери! Ее матери, которая забыла о таком понятии, как человеческое достоинство.

Усталая, обезумевшая от страданий, потеряв последнюю способность рассуждать, Анна не ответила на последнюю угрозу, на последнюю просьбу Пиэкера.

Ее жизнь осветилась надеждой. Пиэкер упорно хранил молчание...

Что, если он умер?

Но, нет! Пиэкер был жив... От него вдруг пришло длинное, пространное письмо, наполненное ужасными подробностями. И к кому же оно пришло? – К Комбределю! Он узнал обо всем.

Этот человек был простым крестьянином, но он поступил, как герой. Он сжег письмо... и не проговорился ни единым словом.

Однако, удар, нанесенный ему посланием Пиэкера, был слишком сильным... Четыре дня спустя, он умер.

Весть об этом разразилась над населением Армуза, как внезапный оглушительный удар грома.

– Фермер Комбредель умер!

Точно? Странное событие!

Как? При каких обстоятельствах умер Комбредель?

Он умер скоропостижно. Болезнь его была какая-то загадочная. Он быстро отмучился в ужаснейших страданиях, и через четыре дня его не стало.

Одни говорили:

– Умер от холеры!

Другие делали предположение:

– Его отравили!

Но, как бы там ни было, Комбределя не стало!

Глава XVII

Лишь только разнеслась по деревне Армуз весть о том, что Комбредель умер, как перед домиками, тут и там, начали собираться местные жители, на лицах которых выражался испуг. Ремесленники присоединялись к отдельным группам, они откладывали в сторону свои инструменты и с любопытством прислушивались к общим разговорам, засунув руки в карманы своих рабочих фартуков. А чтобы лучше разобрать то, о чем шла речь, они вытягивали вперед свои шеи. У всех на лицах была оторопь и беспокойство.

О деле, между тем, рассказывали уже подробности... рассказывались, понятно, теми, которые были наиболее проинформированы в загадочной неизвестности трагических событий.

Конечно, как обычно, это были женщины, которые знали более всех. Они тараторили, не умолкая. Если вдруг у них не хватало тем для болтовни, они просто придумывали необходимые подробности. Суть трагического происшествия, еще никому не была известна, но женщины уже решили, что происшествие непременно трагическое. Все новости передавалось в очень преувеличенном свете, один рассказ противоречил другому. Возбужденное любопытство крестьян довольствовалось этими пересудами и не делало попыток разобраться в них. Все принималось на веру. Никто не знал, где заканчивается действительность и где начинается фантазия.

Похороны Комбределя, которые состоялись два дня спустя после его смерти, не положили конца деревенским сплетням и предположениям. Умы были возбуждены, воображение раздражено. Находилось много людей, которые, нисколько не стесняясь, говорили во всеуслышание о том, что их тревожило.

Теперь, когда фермер умер уже нечего ей будет скрывать и соблюдать необходимую предосторожность. Известное дело, жена его была кокетка... А насчет денежек – тут уж куда их мотать горазда! И все ее презирали!

А если порыться, как следует, в ее поведении, то можно бы было найти очень много такого, что не делало ей чести.

Не думайте, что против нее говорили злоба или ненависть крестьян. Конечно, на свете немало злых языков. Но тут совсем другое дело: факты говорят сами за себя.

Вот, таким-то образом толстуха Клотильда Повре стала рассказывать всем, что она накрыла как-то госпожу Комбредель в тот момент, когда она, ночью, разговаривала с каким-то брюнетом, высокого роста, с длинной бородой.

Гиацинт Ледюк, мальчик из той же деревни Армуз, сопровождавший Клотильду, утверждал, что слышал следующую фразу, произнесенную громким голосом:

– Тысячу франков... меньше недели... я рассчитываю на вас!

Кто же мог быть этот человек? Кто?

Разумеется, любовник! Дело решенное! «Она сама ответила на вопрос», – говорила толстуха Повре, не любившая болтать попусту. В противном случае, зачем было скрываться.

Когда всем в деревне стало известно, что смерть Комбределя была вызвана особыми обстоятельствами, нашелся человек, который сказал наконец то, о чем остальные только думали. Нашлись люди, вроде Ландэ, мастер ремонтировавшего экипажи, и Рудье, земледельца, которые заявили в свою очередь, что и они тоже видели таинственного человека, служившего предметом для пересудов Клотильды.

Отыскался также свидетель, некто Рикеле, торговец лошадьми.

Он рассказал, что присутствовал при ужасной сцене. Дело происходило на ферме Глоприэт, а на ферму он ездил по делу, за несколько дней до смерти Комбределя. Ему нужно было переговорить с фермером.

– Я видел фермера, – сказал Рикеле, – на ярмарке в Рюминьи, на позапрошлой неделе. Он был веселее, чем обычно, и вечером выпил. Вы заметьте, что этого с ним никогда не бывало. А выпил он порядочно, так что конец, был мертвецки пьян.

Это случилось на ярмарке. А вот что случилось впоследствии.

Когда Рикеле приехал на ферму и стал было взбираться по ступенькам на крыльцо, дверь распахнулась и вышел рослый и крепко сложенный парень, лет двадцати – двадцати пяти.

Вышедший на крыльцо человек был широкоплеч, и не производил дурного впечатления. Напротив, в его внешности было что-то приятное.

– Здравствуйте, господин Жозилье! – сказал торговец лошадьми.

– А, это вы, Рикеле? – спросил молодой человек.

Торговец лошадьми заметил, что глаза последнего были красные от слез.

– Что вам угодно, Рикеле?

– Ваш дядюшка купил у меня двух лошадей на ярмарке в Рюминьи. Сегодня он обещал заплатить мне тысячу полтораста франков.

Жозилье замялся, а торговец лошадьми вопросительно посмотрел на него.

– Господин Комбредель болен, – сказал, наконец, управляющий фермы.

– И серьезно болен?

– Едва ли переживет эту ночь...

При этом Жозилье отвернулся в сторону для того, чтобы вытереть глаза ладонью своей широкой руки, огрубевшей от деревенских работ.

Разговаривающие, после этого, отошли в сторону и остановились посередине двора.

– Знаете, что я вам скажу, молодой человек, – проговорил Рикеле, – я ведь продал своих лошадей без договора.

– Ну, и что вы решили?

Купец сначала начал теребить в своих руках драповую фуражку. По-видимому, им овладела какая-то нерешительность. Оставив в покое злополучную фуражку, он начал мять в своих пальцах кожаный ремешок своего бича. И, наконец, сказал, с заметной резкостью:

– Спрашиваете, на какой сумме мы порешили? – Чай, слышали. Я, ведь, уже говорил вам. Мне нужно получить с господина Комбределя тысячу триста пятьдесят франков.

– Смотрите?

– Ну, вот еще! Будто я не знаю, что говорю!

– Ладно. Так-так, стало быть: тысяча триста пятьдесят франков, – сказал Жозилье.

При этом, почему-то по его лицу скользнула печальная улыбка.

– Сейчас вам выдадут эти деньги.

Торговец отошел в сторонку. Походка у Рикеле была тяжелая, а сам он был сутулый.

Когда Жозилье ушел, он пробормотал себе под нос:

– Нечего с ними церемониться, с этими богачами. Лишились каких-нибудь двести франков. Эка беда, подумаешь. Надо бы, чтобы и на долю бедняков из их богатств что-нибудь перепало. Небось – не разорятся.

Так рассуждал про себя Рикеле.

Вдруг, в эту самую минуту, со стороны фермы, раздался пронзительный крик. Это было что-то вроде ужасного рыкания... рыкания зверя. Рикеле невольно повернул голову в ту сторону.

Что же увидел он? Нечто невероятное.

Какой-то человек, наполовину голый, весь скорчившийся, словно в судорогах, исхудавший, весь пожелтевший, с растрепанной бородой, с воспаленными красными глазами, в припадке бился на крыльце, пытаясь вырваться из рук Жозилье.

– Дядюшка, – говорил молодой человек голосом, в котором звучали рыдания, – вернитесь домой, ложитесь в постель... Куда вы? Скажите, что вам угодно?..

И с чрезвычайною заботливостью, с соблюдением всяческих предосторожностей, управляющий фермы обвил своими руками загадочное привидение, лишив его, таким образом, возможности двигаться.

В эту самую минуту, на пороге появилась молодая женщина. Ее белокурые волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Она выглядела такой слабой, что насилу могла держаться на ногах. В отчаянии, она ломала себе руки:

– Он вырвался из моих рук... Боже мой! – бормотала она, сопровождая слова душераздирающими рыданиями. – Сжальтесь над ним... Боже мой, боже мой, что мне делать?.. Спасите его!

Жозилье отнес больного обратно в комнаты. Он сделал это с такой легкостью, как будто бы взял на руки ребенка.

– Хочу пить... В горле горит!.. Огонь внутри! – хрипел несчастный, цепляясь за грудь рослого Жозилье.

Затем, дверь захлопнулась за тремя действующими лицами таинственной драмы. И снова на ферме воцарилась тишина, над которой витала смерть...

Глава XVIII

О смерти Комбрелея ходило немало толков.

Реальные и, просто-напросто, выдуманные подробности росли как на дрожжах. Слухи опирались на факты, крепили и принимали все более правдоподобные очертания.

Всплыло наружу и ужасное подозрение.

Сначала, оно было высказано робко и нерешительно. Потом, это подозрение заявило себя с апломбом и с настойчивостью. Под прикрытием анонимности, оно дошло до слуха представителей судебной власти.

Открыли следствие.

Ландэ, Рудье, Рикеле, Клотильда Повре и Гиацинт Ледюк – все эти свидетели предстали перед прокурором Монсежу.

Допрос слуг приобщили к делу.

Наконец, старик-доктор, доктор Савиньи из деревни Армуаз, был вызван в Шато ле Шателе и в присутствии господина Монсежу, встречался с доктором Маделором.

– Милостивый государь, – сказал прокурор доктору Савиньи, – общественное мнение, с которым правосудию сплошь да рядом приходится считаться, перевозбуждено новостью о смерти господина Комбрелея. Прошел слух, что его отравили. Улики, собранные во время предварительного следствия – на следствии, которое уже было произведено нами, должны быть выяснены определенным образом. Труп покойного будет вынут из земли. Есть уже распоря-

жение об освидетельствовании трупа. Конечно, вы согласитесь со мной, милостивый государь, что вам необходимо, для облегчения работы доктора Маделора в его расследовании, сообщить о тех наблюдениях, которых вы стали свидетелем во время лечения господина Комбределя.

От этого неожиданного известия, длинная фигура добряка-доктора, человека отзывчивого к любому доброму делу и весьма чувствительного, готового принять близко к сердцу любое несчастье, случившееся с его ближним, как-то вся съежилась и как будто внезапно постарела.

Можно было подумать, что на его лицо, привыкшее к постоянным улыбкам счастья и кроткому, невозмутимому спокойствию, теперь лег отпечаток долговременных страданий.

И как быстро случилась с ним эта перемена!

– Простите меня, что ваше сообщение столь сильно меня взволновало, – сказал доктор Савиньи с такой искренней грустью в голосе, что она невольно оказала свое влияние на тех, кто его слушал. – Я был убежден, что Комбредель умер от холеры.

И, с этими словами, он погрузился в состояние какой-то задумчивости. Все смолкли, не желая ему мешать.

В таком положении, доктор Савиньи пробыл довольно долго. Наконец, он сделал над собой усилие и произнес, обратившись к своему коллеге по профессии:

– Господин Маделор, я готов изложить перед вами все, о чем вам угодно будет меня спросить... Будьте любезны, спрашивайте меня...

Глава XIX

Доктора долго совещались между собой. Савиньи рассказал, каким образом началась болезнь Комбределя, какими сопровождалась симптомами, как развивалась.

Маделор, небрежно развываясь в кресле, со сложенными на животе руками, поигрывая большими пальцами цепочкой часов, со снисходительным видом слушал своего коллегу, прищурив глаза и одобрительно покачивая головой.

Ученый доктор из Шато был человеком высокого роста, худощавым, с бледным лицом, обрамленным светлыми волосами и такого же цвета бакенбардами.

Его голова была скорее головой адвоката, чем головой медика. Его бледные губы, слегка опущенные вниз в уголках рта, придавали всей его физиономии какой-то своеобразный отпечаток грусти или печали. Он носил очень длинные волосы, и был, вообще, полностью поглощен собой. Пальцы его рук были украшали дорогие перстни.

– Извольте, все это произошло, – вещал Савиньи, пытаясь как можно более точнее восстановить события опираясь на свою память. – В понедельник, 8 сентября прошлого года, в два часа пополудни, Жозилье, управляющий фермы, пришел ко мне, с большой поспешностью, и заявил, что Комбредель нуждается в моей помощи. Я был у моего друга не далее как утром и оставил его в весьма хорошем, и веселом расположении духа и отменном здоровье. Утром, казалось, ничто его не беспокоило, и мысли не было о болезни. А о том, чтобы он тяжело болел, не могло быть и речи. Когда я прибыл на ферму, Комбредель уже лежал в постели, его лицо было мертвенно-бледным, под глазами были чёрные круги, на лице была хорошо заметна какая-то напряженность. Я едва не выразил вслух свои ужасные подозрения, застав Комбределя в таком состоянии.

– Друг, у меня к тебе большая просьба, – сказал мне Комбредель.

Он находился в полном рассудке, в это время.

– Помогите! Все болит невыносимо!

Его молодая жена старалась его успокоить. Но, по ее бледности, по глазам, которые были устремлены на меня с выражением мольбы и испуга, я мог сделать безошибочное заключение насчет того, что она и сама сильно встревожена.

Комбрель сообщил мне, что час или два спустя, после завтрака, совершенно внезапно, у него случился очень сильный приступ рвоты, и он регулярно повторялся. При этом, он пожаловался на острую боль в горле. Его мучила жажда и не давала ему ни минуты покоя. При осмотре, его язык был, как у здорового человека и в желудке он не чувствовал никакой боли. Дыхание было тоже нормальным. Однако, пытаясь нащупать пульс, я заметил, что он был очень слаб и очень возбужден. Сердцебиение также было неровным.

Я провел ночь у его постели, и все время очень внимательно следил за ходом его болезни. Так же присутствовали его жена и Жозилье.

Больной не спал, но рвота прекратилась.

Впрочем, ее сменило ощущение мучительного удушья и озноба. В горле появились спазматические боли, напоминавшие собой изжогу. Он непроизвольно кричал от невыносимых болей, несмотря на присутствие духа и здравую память.

На следующий день, вечером, случился кризис. В желудке появились ужасные боли. Живот вздулся, отвердел, до него нельзя было дотронуться. Ко всему этому, добавилась лихорадка. Пульс стал биться учащенными ударами и заметным образом ускорился. Время от времени, больной стал впадать в обморок, сопровождаемый приступами бреда и острого нервного раздражения. Дважды, в мое отсутствие, он вскакивал с постели и бросался, с криками, вон из спальни в другие комнаты. Вслед за такими нервным возбуждением наступал период совершенно бесчувственного состояния, так что можно было подумать, что больной умер.

На третий день, лицо страдальца настолько исказилось от внутренних болей, что стало совсем неузнаваемым. Глаза, окруженные иссиня-багровыми пятнами, едва проглядывали из глубины своих орбит. Веки настолько отяжелели, что спускались вниз и лишь наполовину прикрывали собой глазные белки. Зрачок был мутный и неподвижный.

На лицо легли тяжелые, темные краски. Оно все вздулось, вспухло, и на вид было отвратительным. На губах также обнаружилась опухоль. На коже, тут и там, появились синеватые пятна.

Больной так похудел, что на него страшно было смотреть. Высохшие жилы рельефно обрисовывались на этом живом трупце. Это был какой-то страшный костяной остов, странным образом сохранивший в себе угасавшие остатки жизни.

Наконец, на четвертый день, утром, рассудок, который пока не угас в больном, несмотря на все его страдания, замер в каком-то оцепенении. Конечности сделались холодны, как лед. Тело начало судорожно вздрагивать. Пульс остановился. Это пришла смерть. Для нас наступила страшная минута разлуки, для него – отрадное мгновение освобождения.

– В какой день это случилось?

– Это случилось 11 сентября, в девять часов утра.

Маделор слушал Савиньи, не перебивая его, изредка покачивая головой с видом авторитета. Он раскрывал свои прищуренные глаза и подносил к ним лорнет в золотой оправе, бросал сквозь его стекло испытующий взгляд, а потом тотчас же опять закрывал свои глаза.

Внимательно прислушиваясь к сообщению Савиньи, он небрежно покачивал ногой и покусывал свои губы для того, чтобы, таким образом, нагляднее дать понять, что он все уже понял, и что тысячи мыслей, одна ценнее другой, осаждают его, в это же время.

Изредка Маделор обращался с вопросами к своему коллеге, заставлял его подолгу останавливаться на изложении разного рода подробностей, на тщательном описании различных симптомов.

Он говорил, бросая отрывочные фразы, как бы думая в это время о чем-то другом, проглатывая половину слов, заставляя своего собеседника скорее отгадывать его мысли, чем следить за ясно изложенным смыслом.

Внезапно, во время разговора, он вдруг погружался в какие-то тяжелые размышления. Это было так очевидно.

На докторе Маделоре лежала такая тяжелая ответственность: как же было не быть озабоченным такому человеку?

Его самоуглубленность была не чем иным, как озабоченностью.

Когда он закончил расспрашивать Савиньи и расстался со своими думами, он протянул коллеге руку:

– Любезный собрат, благодарю вас! – сказал он покровительственным тоном. – Суд будет обязан вам, обязан тем, что я с особенной легкостью разрешу свою задачу.

И Савиньи отправился обратно в Армуаз.

Глава XX

Вечером, около шести часов, в то самое время, когда солнце садилось за чёрной каймой соснового леса, ограничивавшего собой громадное пространство армуазской меловой долины и заграждавшего вид вдаль, по деревне проехала наглухо закрытая карета, в которой сидело трое мужчин.

Карета остановилась перед домом мэра, Пелигрэна.

Из экипажа вышли королевский прокурор, следственный пристав, Лима и доктор Маделор. Пелигрэн завидел их еще издали, хотел выйти и встретить их на пороге дома.

Господин Монсежу спросил у него весьма лаконично:

– Далеко отсюда?

– Двадцать минут ходьбы, – отвечал мэр. – Если вы намерены отправиться на ферму Глориэт, то я могу вас провести туда.

– Пойдемте!

Пелигрэн пошел впереди. Не обращая ни на кого никакого внимания, он шел беззаботно, покуривая свою трубку.

Когда путешественники добрались до фермы, солнце уже село. На землю быстро опускалась ночь.

Над лесом теснились облака, еще освещенные последним отблеском догоравшей зари. В настоящую минуту, эти облака походили на разрозненные лоскуты какой-то колоссальной, пурпурового цвета, одежды.

По долине тянулся легкий, прозрачный туман. Трава покрывалась росой. Кругом царил мертвая тишина. Нигде ни звука. Деревня засыпала.

Господин Монсежу постучался в ворота фермы, но никто не отвечал.

Так прошло несколько минут. Наконец, слышались шаги приближающегося человека. Появился Жозилье:

– Кому и чего надо? – окликнул он.

– Мы пришли сюда затем, чтобы выполнить нашу обязанность, милостивый государь, – сказал прокурор, предварительно сообщив о своем звании.

– Не может быть, чтобы смерть моего дядюшки могла привлечь к себе внимание правосудия. Представьте себе впечатление, которое вы произведете своим появлением, – сказал Жозилье.

– Что делать? Относительно вашего первого замечания, то позвольте оставить его на время без ответа, – проговорил прокурор.

Судья и доктор вошли на большую и просторную кухню. Комната была едва освещена, в медном подсвечнике горел одинокий огарок.

– Может мне надо предупредить тетку? – спросил Жозилье.

– Пока еще нет. А теперь вот что. Помогите-ка лучше нам с обыском. Проводите нас в комнату, где скончался господин Комбрель.

Они прошли через несколько комнат, прежде чем вошли в роскошно убранную спальню покойного.

– Вот здесь! – указал Жозилье, не без волнения.

Вследствие какой-то странной случайности, стенные часы стояли. Точно время наглядно пожелало заявить, что его обязанности закончились в тот момент, когда Комбредель скончался. Часы концами своих стрелок указывали именно на ту минуту, когда покойного не стало.

С тех пор, в комнате еще не прибирали, повсюду царил беспорядок. Можно было встретить склянки, пузырьки с лекарством, ложки, бинты от компрессов. Постель была не заправлена. У изголовья стоял налой, с разложенным на нем молитвенником.

В глубине комнаты можно было заметить плотно придвинутый к стене столик, покрытый белой скатертью. На этом столике лежало распятие и находился сосуд с освященной водой.

Судьи провели тщательную работу, стараясь найти улики, которые могли бы указать на следы преступления.

Все, что осталось из лекарств, принял под свое ведение доктор Маделор. Анализ этих лекарств должен был показать, содержат ли они в себе ядовитые ингредиенты.

Жозилье, со свечой в руках, освещал судьям все углы комнаты.

Слабое пламя свечи отбрасывало свой скудный свет на печальную картину. Все эти люди, принимавшие участие в этой непростой процедуре, выглядели очень строго и сурово от осознания важности исполняемой ими мучительной обязанности. Ничего не должно было ускользнуть от внимания судей!

Но вдруг, дверь в комнату слегка приоткрылась, и на пороге появилась женщина. С минуту она стояла неподвижно. Ее глаза были испуганно устремлены в одну точку, губы приоткрыты. Она имела такой вид, будто ее вдруг поразил какой-то ужасный удар.

Вдруг неизвестная женщина стремительно бросилась вперед и упала на пол. Из ее груди вырвался сдавленный крик:

– Мне показалось, что я видела своего мужа!

Лицо молодой женщины было покрыто смертной бледностью. Она дрожала всем телом. Пытаясь встать, она убедилась, что это ей не под силу. И наконец она упала в обмороке, прямо на руки Жозилье. Тот усадил ее в кресло.

– Вы ее испугали! – сказал управляющий, суровым тоном. – Она болезненная и нервная. Право, ее следовало предупредить о вашем появлении.

К больной подошел Маделор. Он оказал ей необходимую помощь, тогда она раскрыла глаза и сказала:

– Что это за люди? Зачем здесь? Они оскорбляют своим присутствием неприкосновенность этой комнаты.

Наконец, она как будто разглядела тех, которые находились в комнате. Осознав, что под влиянием страха, она требовала в весьма грубой форме ответа у представителей закона, она поспешно попыталась исправить ситуацию, прошептав с трогательным благородством:

– Простите меня!

Жозилье рассказал ей о причинах появления судей в столь позднее время.

– Моего мужа отравили?! – воскликнула она. – Нет, этого быть не может. Это – безумие! Она склонилась над налоем и заплакала.

Монсежу не сводил с нее глаз. В углах его губ змеилась какая-то кривая улыбка.

Однако, надо было продолжить прерванные следственные действия.

В комнате госпожи Комбредель нашли пакет, в котором находился мышьяк.

Судьи переглянулись. Кто-то из них многозначительно покачал головой.

По дороге в деревню, королевский прокурор спросил у Маделора, какие есть предположения относительно этого открытия. При этом, он осведомился также и о том, какое впечатление произвели на него объяснения симптомов болезни доктором Савиньи.

Маделор ответил не сразу. Некоторое время он молчал. Потом процитировал перед королевским прокурором знаменитые слова, обращенные к Академии Корменэном, в 1842 году:

– Как совершаются подобные преступления?

– Отравление.

– А какой обычно используют яд?

– Мышьяк!

Прокурор вопросительно посмотрел на доктора Маделора.

– Слышите, мышьяк! – проговорил тот, с выразительной лаконичностью.

Бывают преступления, скрывающиеся в непроницаемом мраке. Часто семейный очаг дает приют для подобного рода преступлений. Они нагоняют ужас на общество, сбивают с толку науку, из-за отсутствия улик. Часто самый точный и добросовестный анализ не приводит к какому-либо определенному результату. Подобного рода преступления нередко вводят в заблуждение присяжных и, к несчастью, с каждым годом число их растет с ужасающей быстротой.

Глава XXI

На следующий день, рано утром, Маделор, в сопровождении следственного пристава, прокурора и господина Пелигрэна, деревенского мера, приказал достать из могилы труп Комбрелея.

Венки и букеты, которыми была убрана могила покойного, сбросили на траву, под сень плакучей ивы.

При процедуре вскрытия могилы присутствовали: слуги с фермы и местные крестьяне.

Господин Монсежу вызвал тех и других с той целью, чтобы они могли засвидетельствовать личность погребенного. Некоторые из свидетелей – и по преимуществу, самые пожилые из них – плакали.

Маделор, с деловым и серьезным видом, чувствовал себя тем центром, на котором было сгруппировано всеобщее внимание.

С листом бумаги в руке, он бродил по краю могилы, отмечая необходимые для себя сведения.

Не было ни одной подробности, сопровождавшей собой процедуру разрытия могилы, которая бы ускользнула от внимания доктора.

Когда заступ гробокопателей глухо ударился о какое-то деревянное препятствие, все вздрогнули.

Заглянув в яму, на дне увидели гроб. Его достали и поставили на землю.

Столяр, находившийся, среди крестьян, вынул гвозди, которыми была прибита крышка, и приподнял ее.

Маделор отвернул в сторону саван. Свидетели подошли ближе. Сходство мертвеца с Комбрелем было зафиксировано.

Пелигрэн пробормотал:

– Да, это точно он! Вот его коротко остриженные волосы. Вот его светлая, длинная борода!

После этого, свидетели удалились. А на кладбище остались только судьи, Маделор и могильщики.

– Отнесите тело в мэрию! – сказал доктор. – Положите труп на носилки!

Печальная процессия тронулась по направлению к мэрии. Решили идти полем, опасаясь произвести тяжелое впечатление на местное население.

Процессия вошла в мэрию через сад, расположенный между административным зданием и деревней.

Большая, просторная комната, на первом этаже, была уже готова. Посредине стоял большой стол, рядом стоял стол поменьше, на котором были разложены разнообразные и многочисленные хирургические инструменты.

Тело положили на большой стол. Оно, до сих пор сохранило известного рода характерные признаки, подмеченные еще доктором Савиньи, о которых он сообщил Маделору.

Маделор закрылся один в этой комнате. На нем лежала тяжелая ответственность, он должен был определить какой смертью умер Комбредель, естественной или ему помогли. Сначала, путем анатомического, а потом, химического анализа трупа покойного.

Было ли у доктора Маделора достаточно знаний, достаточно опыта для выполнения столь трудной задачи, за которую он, в настоящую минуту, взялся?

Доктор Маделор поселился в Шато-ле-Шателе двадцать лет тому назад.

Сын богатых родителей, первые десять лет, будучи студентом, он старался весело жить, устраивая дебоши в Латинском квартале.

Не забывал при этом учиться и в тридцать три года, он был уже доктором медицины, и Шато принял его с распростертыми объятиями. А Маделор в свою очередь решил, здесь остаться.

Все в жизни успело ему к тому времени, как следует, надоест, отчего, он приобрел благообразный, скучающий вид. Его молчаливость и безучастность к окружающей действительности воспринимались всеми за глубокомысленность и ученость.

Былое распутство несколько не повредило ему. Напротив, в Шато, распутство называли «уменьем жить».

Равнодушие Маделора также было оценено по достоинству. Мужчины в Шато решили единогласно, что это не что иное, как спокойствие и рассудительность.

Все видели, что он теперь вялый и достаточно неповоротливый, в том смысле, чтобы искренне чем-то интересоваться. А думали, что он очень умный и серьезный.

Случай подарил ему шанс. Два или три удачных излечения пациентов, и доктор был уже в моде. Его общественное положение было завоевано.

Этого было вполне достаточно для того, чтобы и сам он стал воспринимать себя, как очень умного и серьезного доктора!

Доктор Маделор женился. Но его жена прожила недолго. Умерла, оставив после себя дочь.

Такова была, в общих чертах, биография и история его медицинской карьеры.

И вот, такой человек должен был решить теперь вопрос о том отравлен ли несчастный Комбредель.

Впрочем это был уже не первый случай, когда на Маделора возлагалось подобное медицинское освидетельствование. Пять лет тому назад, в деле отравления фосфором, он представил суду настолько фундаментальный вывод, сделанный им на основании анализа, что виновник преступления был сбит с позиции отпирательства и вынужден был сознаться в преступлении.

После этого дела все говорили о Маделоре. Его репутация, как знающего врача и ученого, сразу стала незыблемой в глазах всех и каждого.

Каким-то успехом увенчается его очередная экспертиза?

Когда анатомическое освидетельствование ран и гнойников, найденных на различных частях внутренностей трупа, было доведено до конца, Маделор остановился, тяжело вздохнул и вымыл руки.

Он облокотился, после этого, на подоконник, зажег сигару и стал курить.

Горячие лучи солнца проникали в комнату. До него доносился благоухающий запах от цветов, росших на клумбах, в саду.

Постояв недолго у окна, он отбросил от себя окурок и принялся опять за свое дело. Взял два больших стеклянных сосуда, с широкими отверстиями, снабженных плоскими крышками из пробкового дерева. Эти сосуды своей формой и размерами напоминали собой те вазы, которые используют для хранения консервов.

В эти сосуды он положил внутренности, вынутые из трупа, затем запечатал и наклеил на них этикетки.

Вся это долгая и, пожалуй, мелочная процедура, начиная от поднимания тела покойного Комбрелеля из могилы до печатей, наложенных на сосуды, составляла первую половину той судебно-медицинской экспертизы, которую обязан был совершить доктор Маделор. К ней также относилось и описание анатомических повреждений на трупе.

Маделор не прилагал особого труда, чтобы письменно изложить свои выводы.

Он вышел из комнаты, отыскал королевского прокурора, Монсежу, и следственного пристава.

Лимэ обратился к нему с вопросом:

– Ну, к каким же результатам пришли вы, господин доктор?

Доктор поник головой, как бы собираясь с мыслями, а потом, сказал отрывистым и несколько нерешительным голосом, подчеркивая слова:

– Из того предварительного освидетельствования, которое я только что закончил и на котором, действительно, подтвердились все показания моего коллеги, доктора Савиньи, из тех органических повреждений, которые констатированы были мной лично, я могу сделать следующий вывод:

Во-первых, все наводит на мысль, что смерть фермера произошла от попадания в организм известного яда.

Во-вторых, надо будет произвести химическую экспертизу внутренностей трупа. Это поможет определить настоящую причину смерти и даст возможность назвать яд, послуживший причиной смерти...

С этими словами, Маделор раскланялся. Казалось, ему было очень неприятно и тяжело произносить свой приговор. Но что было делать? Ведь его приговор был приговором от науки!

Маделор вернулся в мэрию. Уже там отдал разрешение положить тело покойника снова в гроб и отнести на кладбище.

Четверть часа спустя, после появления в Монсежу доктора Маделора, два жандарма ехали по дороге, ведущей на ферму Глориэт. У них имелся приказ об аресте, подписанный судьей. Приказ об аресте вдовы, Анны Комбрель, обвинявшейся в отравлении своего мужа.

Глава XXII

Маделор был отнюдь не злым человеком, как об этом можно было подумать с первого взгляда. Просто у него был, с непростительной легкомысленностью, принято называть легким, поверхностным характером.

В узком кругу, он переставал разыгрывать роль холодного мудреца, как он это делал перед посторонними людьми. Здесь он превращался в того доброго малого, с которым так приятно в обществе.

По-видимому, такого рода люди совершенно безвредны, а, между тем, в сущности, они приносят чрезвычайно много зла, не ведая, что творят.

У себя дома, ученый доктор уставал от ореола знаменитости. Перед дверью своего дома, он срывал с себя маску, надетую на него общественным мнением, которой пользовался только

для поддержания своей репутации. Постоянно рисуясь вне дома, в своем кабинете он становился самым собой.

Этот человек привык к тому, чтобы на него смотрели, как на существо особенное. Наконец даже сам стал верить в то, что он человек необыкновенных способностей. Так бывает, что лгунишка перестает наконец замечать, что он лжет безо всякого стеснения.

Вследствие привычки постоянно разыгрывать из себя ученого, он кончил тем, что сам поверил в свою замечательную ученость. Суетливый и тщеславный, он проникся невообразимым высокомерием и с каким то необузданным самоослеплением, поверил в самого себя.

Каждый день после обеда, когда прием больных заканчивался и необходимые визиты были уже сделаны, он запирался в своем химическом кабинете, два раза поворачивал в двери ключ и не выходил оттуда вплоть до самого вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.